

ЖУРНАЛ ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА

ПАЛАНТИР

ИЮЛЬ
2006

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

50

От редакции	3
Дж.Р.Р.Толкин. Предисловие к книге «Хоббит» (перевод – А. К. Касаткина)	4
Дж.Р.Р.Толкин. Предисловие к книге «Властелин Колец» (перевод – А. А. Грузберг)	6
Дж.Р.Р.Толкин (под редакцией Кристофера Толкина). О рунах: приложение к книге “Имена Айзенгарда” (История Средиземья том VII) (перевод - Н.С.Жаркова)	9
Дж.Р.Р.Толкин. Приключения принца Джорджа: Продолжение повествования о фермере Джайлсе из Хэма (перевод – М. Кизилов)	26
Дж.Р.Р.Толкин. Письмо мистеру Соучу (8 сентября 1955 года) (перевод - Д.Виноходов и А. Хананашивили).	31
Дж.Р.Р.Толкин. Загадки во тьме (из книги “Хоббит”, первоначальная версия) (Перевод - Н.В.Карпова, Г.В.Карпов)	34
Филипп Норман. Там, где обитают хоббиты. ИНТЕРВЬЮ. Нью-Йорк Таймс, 15 января, 1967 (перевод – О. Честнокова, А. Хананашивили)	43
Денис Герролт. Дж. Р. Р. ТОЛКИН: ИНТЕРВЬЮ. 4 канал Би-би-си, январь 1971 (перевод – О. Честнокова, А. Хананашивили)	49

На последней странице - работа Моргул “Палантир”

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 50 июль 2006

ЖУРНАЛ

ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали: Дмитрий Виноходов, Золтан Бардинг, Наталья Карпова, Мазлор Д. Лас, Моргул, Алла Хананашивили

Наш адрес: 197110 Россия, СПб, ул. Б.Зеленина 15-33
E-mail: zoltan@tolkien.ru barding@mail.ru eondil@mail.ru

2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright (c) 1997-2006, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Просим присылать файлы только в формате RTF.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели!

Журнал Толкиновского общества Санкт-Петербурга «Палантир» выходит уже девять лет. Сегодня вы держите в руках его юбилейный, пятидесятый номер. По такому случаю нам хотелось представить вашему вниманию наиболее интересные материалы, а что для толкиниста может быть интереснее, чем выискать что-нибудь новенькое среди работ самого Профессора! Так и получилось, что этот номер содержит тексты Дж. Р. Р. Толкина, которые по тем или иным причинам оказались не очень широко известными в России.

Номер открывается двумя фрагментами, с которыми наверняка знаком почти каждый владелец оригинальных изданий «Хоббита» и «Властелина колец». В русских же переводах они, к сожалению, как правило, отсутствуют: **Предисловие к «Хоббиту»** (мы приводим версию 1966 года) почему-то не вошло ни в одно из наших изданий книги, а **Предисловие к «Властелину колец»** имеется только лишь в переводе А. А. Грузберга (с любезного разрешения которого мы и публикуем этот текст). А между тем, эти фрагменты содержат весьма ценную информацию и имеют немалое значение для толкинистики.

Приложение «О рунах» было опубликовано в седьмом томе «Истории Средиземья». Его перевод, как мы надеемся, окажется небезынтересным для тех, кто особое внимание уделяет эльфовингвистике.

Рассказ о приключениях принца Джорджа – это набросок продолжения приключений знаменитого Эгидия де Хаммо, которое Толкин намеревался написать. Впервые этот текст был опубликован в специальном комментированном издании «Фермера Джайлса из Хэма», подготовленном Кристиной Скалл и Уэйном Хаммондом в 2000 г.

Известно, что за свою жизнь Толкин написал великое множество писем. Некоторые из них были помещены в сборник, составленный Хэмфри Карпентером, но, разумеется, не все. Много писем, о содержании которых мы можем лишь догадываться, хранится в частных собраниях, иногда их цитируют в толкиноведческой литературе, а некоторые из них попадают на аукционы и меняют владельцев. Увы, только в такие моменты мы и имеем надежду ознакомиться хотя бы с их фрагментами. Но иногда доступным оказывается даже весь текст – **одно из таких писем** мы и публикуем сегодня.

Исключительный интерес, с нашей точки зрения, представляет перевод **пятой главы «Хоббита»**. Нет, не того «Хоббита», которого, разумеется, читал каждый из вас, а того «Хоббита», который увидел свет в 1937 году. Вы же помните, что книга дважды претерпевала серьезные изменения (в 1951 и в 1966 гг.), и именно пятая глава подверглась наибольшей переработке. С ее первоначальной версией, где рассказ о находке Кольца выглядел несколько иначе, вы и можете теперь ознакомиться.

Завершают номер журнала два **интервью**, которые уже получивший всемирную известность Дж. Р. Р. Толкин на склоне своей жизни дал журналистам газеты «Нью-Йорк Таймс» в 1967 г. и радиостанции BBC в 1971 г.

Такой выбор материалов для юбилейного номера отнюдь не означает отказ редакции от публикации толкиноведческих статей. Напротив, мы приглашаем всех желающих становиться авторами нашего журнала. Мы будем рады опубликовать ваши исследовательские и аналитические работы, а также переведенные вами оригинальные тесты Толкина и иноязычные статьи о его жизни и творчестве.

С уважением,
Редакция журнала «Палантир».

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ХОББИТ»
(перевод – А. К. Касаткина)

Эта история повествует об очень давних временах. И языки, и письмена тогда были совсем не такими, как те, что мы используем сейчас. Все языки здесь заменяет английский. При этом можно отметить два момента: (1) В английском языке единственной верной формой множественного числа слова *dwarf* является *dwarfs*, а прилагательное будет *dwarfish*. В этом повествовании употребляются формы *dwarves* и *dwarvish*,¹ но только в тех случаях, когда речь идет о древнем народе, к которому принадлежат Торин Оукеншильд и его спутники. (2) Слово *orc* не английское. Оно встречается в одном-двух местах и обычно переводится как *goblin* (или *hobgoblin*, когда дело касается более крупных разновидностей). *Orc* – это хоббитская форма слова, которым называли этих созданий в те времена, и оно никак не связано с нашим *orc*, *ork*, обозначающим морских животных вроде дельфинов.

Руны – это древние письмена, которые изначально вырезались из дерева или выцарапывались на деревянной, каменной или металлической поверхности, поэтому они были тонкими и угловатыми. В те времена, когда происходило действие повествования, только гномы использовали руны постоянно, особенно для личных или тайных записей. Их руны в этой книге заменены английскими, которые известны сейчас немногим. Если сопоставить руны на Карте Трора и их транслитерацию современной письменностью (на с. 20 и с. 50), можно обнаружить приспособленный к современному английскому языку алфавит и прочесть руническую надпись в заглавии этой страницы. Все руны в надписях на Карте стандартные, за исключением Y, которой записывается буква X. J и V предстают в виде I и U. Ни для Q (можно заменить на CW), ни для Z (при необходимости можно использовать гномскую руну *l*) рун не существовало. Также вы увидите, что иногда

одна руна обозначает две современные буквы, такие как: *th*, *ng*, *ee*. Могли использоваться и другие руны такого типа (Ÿ *ea* и M *st*). На тайной двери стоял знак D M. От края карты на дверь указывала рука, под которой было написано следующее:

ƷINM·ŷX̣T·NIXN·þM·MFR·FþW·þRQ·MFA·
PFGK·FBERMFHT: þ.þ.

Последние две руны – это первые буквы имен Трора и Трайна. А так выглядели лунные руны, которые прочел Эльронд:

HTFþW·BA·þM·XRMA·HTFþM·PHMT·þM·
þRNIN·htFKHY·FþW·þM·IMTTIX·INþ·
PIþ·þM·GFHT·GIXHT·Fŷ·MNRIT·MFA·
PIGG·INHTM·NCFT·þM·KMAHFGM

Стороны света на Карте отмечены рунами, причем восток наверху, как всегда на гномских картах, так что, читая по часовой стрелке, получим: E(ast), S(outh), W(est), N(orth) (восток, юг, запад, север).

перевод выполнен по изданию:
J.R.R. Tolkien. The Hobbit or there and back again.
HarperCollinsPublishers, 1994.

¹ причина этого объясняется в «Властелине колец», III, 529.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» (перевод – А. А. Грузберг)

Эта сказка возникла в устных рассказах, и впоследствии стала историей Великой Войны Кольца, включив множество эскурсов в более древние времена. Она начала создаваться после того, как был написан “Хоббит”, и по его первой публикации в 1937 году: но я не торопился с продолжением, потому что хотел прежде собрать и привести в порядок мифологию и легенды Древних Дней, а для этого потребовалось несколько лет. Я делал это для собственного удовольствия и мало надеялся, что другие люди заинтересуются моей работой, особенно потому, что она была преимущественно лингвистической по побуждениям и возникла из необходимости привести в порядок мои отрывочные сведения о языках эльфов.

Когда те, чьими советами и поддержкой я пользовался, заменили выражение “малая надежда” на “никакой надежды”, я вернулся к продолжению, подбадриваемый требованиями читателей сообщить больше информации, касающейся хоббитов и их приключений. Но мой рассказ, все более углубляясь в прошлое, все не мог кончиться. Процесс этот начался при написании “Хоббита”, в котором были упоминания о более давних событиях: Эльронд, Гондолин, Перворожденные эльфы, орки, словно проблески на фоне более недавних событий: Дюрин, Мория, Гандалв, Некромант, Кольцо. Постепенно раскрытие смысла упоминания этих имен и названий в их отношении к древней истории раскрывало Третью Эпоху и ее кульминацию в Войне Кольца.

Те, кто просили больше информации о хоббитах, постепенно получили ее, но им пришлось долго ждать: создание “Властелина Колец” заняло интервал с 1936 по 1949 год, период, когда у меня было множество обязанностей, которыми я не мог пренебречь, и мои собственные интересы в качестве преподавателя и лектора поглощали меня. Отсрочка еще более удлинилась из-за начавшейся в 1939 году войны: к ее окончанию я едва достиг конца первой книги. Несмотря на трудные пять военных лет, я понял, что не могу совершенно отказаться от своего рассказа, и продолжал работать, большей частью по ночам, пока не оказался у могилы Балина в Мории. Здесь я надолго задержался. Почти год спустя я возобновил работу и к концу 1941 года добрался до Лориена и Великой Реки. В следующем году я набросал первые главы того, что сейчас является книгой третьей, а также начало первой и пятой глав пятой книги. Здесь я снова остановился. Предвидеть будущее оказалось невозможным, и не было времени для раздумий.

В 1944 году, завязав все узлы и пережив все затруднения войны, которые я считаю своей обязанностью решить или, по крайней мере, попытаться решить, я начал рассказывать о путешествии Фродо в Мордор. Эти главы, постепенно выраставшие в книгу четвертую, писались и посылались по частям моему сыну Кристоферу в Южную Америку при помощи английских военно-воздушных сил. Тем не менее потребовалось еще пять лет для завершения сказки: за это время я сменил дом, работу, дни эти хотя и не были менее мрачными, оставались очень напряженными. Затем всю сказку нужно

было перечитать, переработать. Напечатать и перепечатать. Я делал это сам: у меня не было средств для найма профессиональной машинистки.

С тех пор как десять лет назад “Властелин Колец” был напечатан впервые, его прочитали многие; и мне хочется здесь выразить свое отношение к множеству отзывов и предложений, высказанных по поводу этой сказки, ее героев и побудительных мотивов автора. Главным побудительным мотивом было желание сказочника испытывать свои силы в действительно длинной сказке, которая удержала бы внимание читателей, развлекала бы их и доставила им радость, а иногда, может быть, и тронула. В качестве проводника мне служило лишь мое собственное чувство, а многих такой проводник подводил. Некоторые из читателей нашли книгу скучной, нелепой или недостойной внимания, и я не собираюсь с ними спорить, ибо испытываю аналогичные чувства по отношению к их книгам или книге, которые они прочитают. Но даже с точки зрения тех, кому понравилась моя книга, в ней есть немало недостатков. Вероятно, невозможно в длинной сказке в равной мере удовлетворить всех читателей: я обнаружил, что те отрывки или главы, которые одни мои читатели считают слабыми, другим очень нравятся. Наиболее критичный читатель - сам автор - видит теперь множество недостатков, больших и малых, но, так как он, к счастью, не обязан пересматривать книгу или писать ее заново, то пройдет мимо них в молчании, отметив лишь один недостаток, отмеченный некоторыми читателями: эта книга слишком коротка.

Что касается внутреннего смысла - подтекста книги, то автор его не видит вовсе. Книга не является ни аллегорической, ни злободневной. По мере своего роста сказка пускала корни в прошлое и выбрасывала неожиданные ветви, но главное ее содержание основывалось на неизбежном выборе Кольца как связи между нею и “Хоббитом”. Ключевая глава - “Тень прошлого” - является одной из самых первых написанных глав сказки. Она была написана задолго до того, как 1939 год предвещил угрозу всеобщего уничтожения, и с этого пункта рассказ развивается дальше по тем же основным линиям, как будто это уничтожение уже было предотвращено. Источники этой сказки заключены глубоко в сознании и имеют мало общего с войной, начавшейся в 1939 году, и с ее последствиями.

Реальная война не соответствует легендарной ни по ходу, ни по последствиям. Если бы война вызывала или бы направляла развитие легенды, тогда, несомненно, Кольцо было бы использовано против Саурона: он не был бы уничтожен, но поработен, а Барад-Дур был бы не разрушен, а оккупирован. Мало того, Саруман, не сумев завладеть Кольцом, нашел бы в Мордоре недостающие сведения о нем, сделал бы Великое Кольцо своим и сменил бы самозванного правителя Средиземья. В этой борьбе обе стороны возненавидели бы хоббитов; хоббиты недолго бы выжили даже как рабы.

И другие изменения могли бы быть сделаны с точки зрения тех, кто любит аллегорические или злободневные соответствия. Но я страшно не люблю аллегории во всех их проявлениях, и сколько я себя помню, всегда относился к ним так. Я предпочитаю историю, истинную или притворную, с ее применимостью к мыслям и опыту читателей. Мне кажется, что многие смешивают “применимость” с “аллегоричностью”: но первая оставляет читателей свободными, а вторая

провозглашает господство автора.

Автор, конечно, не может оставаться полностью незатронутый своим опытом, но пути, на которых зародыш рассказа использует почву опыта, очень сложны, и попытки понять этот процесс в лучшем случае получаются загадками. Которые, хотя и весьма привлекательно предположить, когда жизнь автора или авторов критики частично сокращают во времени, что общие для них обоих события или направления мысли становятся наиболее сильными влияниями. Которые действительно могут испытать сильные воздействия войны: но годы идут, и часто забывают, что в войну 1914 года испытали не меньшее потрясение, чем те, что встретили войну 1939 года. К 1918 году все мои близкие друзья, за исключением одного, был мертвы. Или возьмем другой, еще более прискорбный случай. Некоторые предположили, что “Очищение Ши́ра” напоминает ситуацию в Англии времени окончания моей сказки. Это неверно. Эта ситуация является существенной частью общего плана, намеченного с самого начала, хотя в ходе написания события несколько изменились в соответствии с характером Сарумана, но без всякого аллегорического значения или злободневных перекличек с политическими событиями. Это описание, конечно, основано на опыте, хотя основания эти довольно слабые (экономические ситуации совершенно различны). Местность, в которой я провел детство, обеднела к тому времени, когда мне стукнуло десять, в дни, когда автомобили были редкостью, я не видел ни одного, а люди все еще строили пригородные железные дороги. Недавно я видел рисунок дряхлой мельницы у пруда, а когда-то она мне казалась такой огромной. Внешность молодого мельника мне никогда не нравилась, но его отец, старый мельник, носил черную бороду и его нельзя было назвать рыжим.

“Властелин Колец” появляется в новом издании, и у меня появилась возможность пересмотреть книгу. Было исправлено некоторое количество ошибок и несообразностей в тексте; была так же предпринята попытка представить информацию по нескольким пунктам, на которые обратили внимание вдумчивые читатели. Я собирал все их запросы и замечания, и если некоторые из них остались без внимания, то причина в том, что я все еще не могу привести их в порядок; впрочем на некоторые запросы можно ответить лишь добавив новые главы, содержащие материалы, не включенные в первое издание. Пока же настоящее издание предлагает читателю это предисловие, пролог и индекс имен и мест.

Дж. Р. Р. ТОЛКИН
(под редакцией Кристофера Толкина)
О РУНАХ
ПРИЛОЖЕНИЕ К КНИГЕ «ИЗМЕНА АЙЗЕНГАРДА»
(ИСТОРИЯ СРЕДИЗЕМЬЯ, ТОМ VII)
(перевод – Н. С. Жаркова)

Примечательно, что во «Властелине Колец» все ссылки касательно рун так или иначе были связаны с Гэндальфом – до тех пор, пока отец не дошел до слов, выбитых на могиле Балина в Мории. В «Хоббите» рунические надписи почти целиком и полностью связаны с гномами (которые, согласно 3-й главе, «Короткая передышка», придумали рунические лунные письмена), однако руническое письмо существовало в Средиземье начиная с самых ранних работ отца¹. В письме к Дж.Э. Селби от 14 декабря 1937 г. (оно цитируется в Предисловии к т. VI, «Возвращению тени») он писал, что предпочитает собственную мифологию с её «последовательной номенклатурой и четко выстроенной историей» “Хоббиту”, и с шуточным пренебрежением говорил об «этой куче гномов с эддическими именами из “Прорицания вёльвы”, новоявленных хоббитах и голлумах, придуманных от безделья, и *англо-саксонских рунах*». Как выяснилось позднее, в это время он уже размышлял над собственными руническими алфавитами, которые к тому моменту были уже достаточно разработанными и которые связывались с гномами лишь отчасти – если связывались вообще. Я полагаю, что, возможно, именно та значительная роль, которую карта Трора с ее руническими надписями сыграла в «Хоббите», вызвала к жизни подобную ассоциацию (несмотря на то, что гномы всегда оставались лишь теми, кто перенял *Ангертас*, а не его создателями).

Похоже, что сохранилось относительно мало записей отца касательно рун (во всяком случае, от того периода его творчества, работы которого представлены в этой книге). Однако лингвистические разработки и работы о системах письменности и алфавитах перешли ко мне в состоянии полного хаоса, так что зачастую просто невозможно быть уверенным даже в примерной датировке записи или же в её временном

соотношении с остальными. Основная проблема заключается в том, что — как и всегда в этом контексте — существуют два направления вероятностей. Существенные различия в письменных системах, как и в звуковом составе языков разных народов существовали с самого начала, но все эти различия подвергались беспрестанной детальной проработке в сознании их создателя. Когда записи (почти всегда без даты и часто — без последовательной нумерации страниц) столь разрозненны, что материалы, которые могли быть отделены друг от друга десятками лет, путаются, велик риск проведения ложных связей между текстами и построения ложных же конструкций.

Здесь я привожу два небольших текста из числа самых первых, которые, похоже, были написаны вскоре после того, как отец начал работать над «Властелином Колец»; они появились примерно в то же время, что и «Квэнта Сильмариллион» и «Ламмас», представленные в т. V «Истории Средиземья» («Утраченный путь и другие работы»). Оба текста написаны от руки, чернилами, и в оба отец вносил поправки карандашом, уже позже. Я привожу здесь эти карандашные дополнения, касающиеся особой важности рунической письменности у гномов: в самих текстах, написанных чернилами, эти дополнения отсутствуют.

(i)

Эльфийские алфавиты.

Они имеют три основных формы: алфавиты Румиля, Феанора и Дайрона; также они называются Валинорскими, Тунскими и Белериандскими письменами.

Первые два были созданы нолдор, и по сути своей являются родственными; последний же отличается от них, являясь творением илькоринов.

Самым ранним из них является *алфавит Румиля*. Это конечная рукописная разработка древних письменных знаков валинорских нолдор. Румиль из Туны лишь завершил и систематизировал их; подлинный же их создатель (или создатели) ныне забыты. Несмотря на то, что этот алфавит появился на Туне, он называется

Валинорским, поскольку использовали его по большей части для письма на квэнья, и позже он был вытеснен из употребления среди нолдор письменами Феанора. Говорят, что линдар Валинора используют его до сих пор, но уже не является общеупотребительным среди квэнди².

Алфавит Феанора частью произошел от алфавита Румиля, а частью был разработан заново – с тем, чтобы подходить для иной системы записи слов – слева направо. Его действительным создателем был Феанор (во всех формах, кроме позднейших модификаций, связанных с изменениями в нолдорине после Исхода, которые произошли уже после смерти Феанора). Он разработал этот алфавит в целом, для фонетического строя всех эльфийских языков, и внес отдельные поправки для того, чтобы его письмена подходили для записи текстов на квэнья, нолдорине и телерине. По большей этот алфавит использовался для квэнья; сейчас же он используется оставшимися в мире квэнди – для любых записей.

Так называемый *алфавит Дайрона* по сути своей был «руническим» шрифтом, использовавшимся для надписей (особенно для надписей по дереву), который появился у илкоринов. Считается, что он появился в Дориате, и, без сомнения, именно там он получил наибольшее развитие, там же была даже создана система письменности. Но, скорее всего, он был изобретен данианскими эльфами Оссирианда (которые принадлежали к народу нолдор)³. Свое название – «алфавит Дайрона» – эта система письменности получила благодаря тому, что знаки эти в письменном виде сохранились в некоторых отрывках песен Дайрона, менестреля короля Тингола из Дориата, а также в работах по древним языкам Белерианда Пенголода Мудрого из Гондолина. Нолдор нечасто использовали этот алфавит даже в Белерианде, хотя Пенголод приводит в своих работах нарготрондские надписи и надписи в устье Сириона на нолдорине, выполненные именно алфавитом Дайрона. [Дописано карандашом: Однако эта

письменность распространилась на восток от Оссирианда, ее переняли гномы – и довольно активно использовали].

(ii)

«Алфавит Дайрона»

Илькорины Белерианда создали алфавит, состоявший из «рун», заостренных букв, использовавшихся для создания надписей. Эта письменность распространилась в Белерианде, перед исходом нолдор из Валинора; «алфавит Дайрона» существовал в нескольких формах, которые использовались в разное время в разных регионах. Особое развитие эта письменность получила в Дориате, где и был разработан алфавит для письменного фиксирования речи. Из-за разрушения Белерианда (до отплытия нолдор на Эрессэа) до наших дней не сохранилось ни книг, ни надписей, выполненных с помощью этого алфавита. Память об этой письменности [*исправлено карандашом*: не сохранилось эльфийских книг либо надписей (выполненных с помощью этого алфавита. – *пер.*). Память о его использовании среди эльфов] теперь сохранилась лишь на Эрессэа, в книгах, написанных с помощью этой системы письменности, а именно в работах Пенголода из Гондолина о языках Белерианда, а также и в других отдельных записях. Пенголод скопировал и представил в своих работах различные надписи и фрагменты книг, которые существовали в его времена. Что касается книг, то есть формы алфавита, использовавшейся для записей текстов, то основным источником для Пенголода послужили отрывки песен менестреля Дайрона, служившего королю Тинголу. Именно поэтому данная письменность получила [*зачеркнуто*: ошибочное] название – алфавит Дайрона.

Скорее всего, эта письменность ведет свое происхождение от данианских эльфов Оссирианда, многие из которых – после возвращения Моргота и гибели их короля, Денетора⁴ – обосновались в Дориате. Данианские эльфы принадлежали по

большей части к народу нолдор, и изобретение чего-то нового было особой способностью этого народа эльфов⁵. Более того, родственная «алфавиту Дайрона» письменность существовала у восточной ветви данианов, живших за Синими горами; именно у них люди этих земель заимствовали письменность, ставшую впоследствии основой для письменности талиска *skirditaila* – или же «рунических рядов». [*Дописано карандашом*: Родственные ему алфавиты (> родственный ему алфавит) также заимствовали гномы (и у людей, и у эльфов); западные гномы переняли письменность раньше – это был полный письменный «алфавит Дайрона». Большинство надписей с использованием этого алфавита, которые сохранились в Эриадоре (и в остальных землях) после Великой Войны, сделаны гномами – несмотря на то, что язык этих надписей очень редко представляет собой секретный язык гномов.]

Нолдор-изгнанники использовали этот алфавит редко, но в ряде определенных случаев (при отсутствии пергамента – и особенно при резьбе по дереву; или же в устье Сириона, где нолдор смешались с илькоринами) они использовали эти письма, изменяя их форму или употребление так, чтобы руны подходили для записей на их собственном языке. Пенголод приводит несколько примеров подобного использования этих рун народом нолдор. [*Дописано карандашом*: Наивысшего развития алфавит Даэрона достиг в Эрегионе и Мории, где – во Вторую Эпоху – эльфы и гномы жили в мире. Эта поздняя форма получила название «Руны Мории», поскольку гномы использовали её очень долго, и большинство надписей, выполненных с помощью этой письменности, сохранились в залах и палатах Мории.]

Ср. такую версию происхождения названия «алфавит Дайрона» с Приложением Е (II) во «Властелине Колец»: «Их (рун. – *пер.*) наиболее разработанная и упорядоченная форма называлась алфавитом Даэрона, поскольку в эльфийской традиции их создание приписывалось Даэруну, менестрелю и лормастеру короля Тингола из Дориата».

Связь этого алфавита с талиской (см. т. V, сс. 179, 191, 196: «Язык Трех Домов Людей – Беора, Халет и Хадора») особо интересна в контексте связи между рунами Белерианда и древнегерманскими рунами; ср. т. V, с. 279: *widris* – «мудрость» в древнем языке людей Беора – с индоевропейским словом. Кажется вполне очевидным, что второй элемент талисканского слова *skirditaila*, «рунические ряды», может быть истолкован как древний корень, родственный древнеанглийскому *tæl* (в значении «номер, подсчет, ряд»; древнескандинавскому *tal* и т.д.; ср. с современным английским *tale, tell*); первый же элемент, возможно, связан с германским корнем *sker-*, прослеживающимся в древнескандинавском *skera* – «резать, вырезать», древнеанглийским *sceran* (современное английское *shear*, ср. с родственными ему словами *shard, potsherd*).

Более подробные записи этого времени касательно древних эльфийских рун, кажется, ограничиваются пятью рукописными страницами, которые, тем не менее, очень информативны. По стилю и содержанию они, как мне кажется, принадлежат к обстоятельной работе по фонетике нолдорины, которая ведет свое происхождение со времени незадолго вскоре после начала работы отца над «Властелином Колец». Поскольку будет достаточно сложно опубликовать эти страницы как часть текста, а также потому, что передача в факсимиле будет очень нечеткой (а, значит, потребует массы излишних объяснений и комментариев), я переписал и перерисовал их в виде ряда листов, пронумерованных с I до IV, которые находятся в конце этого приложения. Я постарался воспроизвести записи отца как можно ближе к оригиналу, и только немного отредактировал их – так, чтобы ни в коем разе не исказить их содержание; я даже не пытался сгладить непоследовательность изложения. В этих записях также были немногочисленные карандашные пометки, которые я опустил. В начале первого листа отец написал: «Все это уже пересмотрено и переработано. См. Приложения ко “Властелину Колец”».

Лист V представляет собой отдельную страницу рукописи, озаглавленную как «Руны гномов для письма на английском (фонетического)»; в этом Приложении я буду ссылаться на неё как на «Е». Эта страница заметно отличается от остальных, однако, как будет показано ниже, в целом она вполне согласуется с «Использованием [рун]

в позднем нолдорине» (в дальнейших ссылках – «N»), представленным на листе II. И, хотя существуют некоторые различия в употреблении рун, а именно назальных и тех, которые обозначали звуки *š* (английское *sh*), *ž* (как в слове *vision*), *tš* (английское *ch*) и *dž* (как английское *j* в слове *judge*); в N все они либо использовались для записи других звуков, либо отсутствуют вообще. Если говорить коротко, то эта страница, очевидно, относится к тому времени, когда отец снова вернулся к эпизоду в Мории, что и описано в этой книге. Любопытно, что в рукописи E отсутствует звук *kw* (*qu*), а руна *à*, соответствовавшая звуку *kw* в языке Дориата и нолдорине, используется для обозначения звука *tš* (английского *ch*). Кроме того, в версии E звуку *h* соответствует руна *g*, в то время как в остальных вариантах – *f*.

На листе V (вверху) я составил транскрипцию рунической надписи на могиле Балина (конец первой версии главы «Мория» в т. VI; см. с. 460, прим. 40). Как уже сказано там, именно тогда отец решил отдать предпочтение рунам Белерианда, а не древнеанглийским рунам, поскольку сначала он составил надпись, используя последние, однако сразу же переписал её с использованием рун Белерианда – в двух вариантах, которые я обозначил как (i) и (ii). Несомненно, что в этой связи слова «руны гномов» на той же странице имеют какое-то значение; ср. также со словами Гэндальфа из второй версии той же главы («Повелитель Мории», с. 186): «Это руны гномов, такие же, какие используют на Севере». Касательно имени отца Балина, Бурина, см. т. VI, с. 444.

Вариант надписи (i) на могиле согласуется с E (и с N) во всем, кроме одного пункта: вместо руны % для обозначения звука *s* в слове «son» (сын) употреблена руна *f*. В E руна *f* используется для записи гласного [A] (как в английском слове *cup*), в то время как в N эта руна означает звук *h*.

Использование руны для звука *s* в варианте (ii) совпадает с вариантом (i). Однако в варианте (ii) отец поменял местами звуки *ф* и *х* в словах «lord» (повелитель) и «Moria», в то время как для обозначения звука *l* в слове «lord» использована руна B вместо a: последняя использовалась в языке Дориата и нолдорине. Для передачи гласного в слове «son» употреблена руна &, в то время как в варианте (i) наличествует

нефонетическая руна à (o). В Е она означает звук *ai*, в N – *ae* (позже отец исправил его на *ae*, меняя местами звуки *ai* и *ae*).

Следующий (третий) вариант надписи на могиле (в конце второй версии главы «Повелитель Мории») скрыт четвертой версией, наклеенной сверху. Однако Том Сантоцки сумел прочесть её, просветив с обратной стороны. Руническая надпись практически полностью совпадает с вариантом (i) – за исключением имени «Fundin» (вместо «Burin», см. т. VI, с. 444), – в том числе и в использовании руны *f* для звука *s*. Любопытным же представляется то, что эта же руна употреблена для обозначения звука *o* в слове «of», хотя в словах «son», «lord» и «Moria» наличествует руна à. Также внизу добавлены слова «Balin Fundinul Uzbad Khazaddû mu», звук *z* в которых, несомненно, передан руной %, во всех представленных алфавитах соответствующей звуку *s*.

Четвертая версия надписи, наклеенная поверх третьей, и пятая, представленная в конце печатного текста, следующего за четвертой версией, совпадают полностью. Пятая версия воспроизведена на с. 186. Этот короткий текст полностью совпадает с Е: звук *s* передан руной %, звук *z* – руной q, а руна *f* используется для обозначения звука [A], который появляется в слове *son*, записанном фонетически.

На листе VI представлены рунические надписи с двух самых ранних иллюстраций, изображавших обгоревшую, почерневшую страницу из книги Мазарбул. Эти надписи приведены исключительно для того, чтобы показать начертание рун и их расположение, не более того. Самая ранняя версия (i) была нарисована на обратной стороне последней страницы оригинала главы «Мория» (см. т. VI, сс. 460, 467). Это просто черновой набросок, указания на то, в каком направлении можно было бы двигаться дальше. Он нацарапан очень поспешно, без претензий на правдоподобие: непонятные части рисунка выполнены небрежными штрихами (и число недостающих в моей перерисовке фрагментов подсчитано лишь в первом приближении). Правый нижний угол страницы (формой похожий на треугольник) оставлен чистым, в нем написано лишь слово «Kazaddû m». Вторая версия (ii) являет куда более яркий пример изображения изорванного и выцветшего листа. Он выполнен карандашом и цветными мелками; нижний угол также изображен оторванным. (Изменения вида этой страницы пусть и в миниатюре, но наглядно иллюстрируют манеру работы отца: происходит постоянное развитие формы, со временем

появляются новые подробности. На второй иллюстрации нарисованы две дырки в правой части страницы, а также оборванный нижний край листа; в третьей и четвертой версиях того же рисунка и дырки, и оборванный край сохранились, однако там снова появился правый нижний угол страницы, на сей раз изображенный надорванным. В окончательном же варианте, представленном в «Рисунках Дж.Р.Р.Толкина» под номером 23, дырка в центре страницы увеличена и сдвинута влево; при этом сохраняется изображение линии отрыва правого нижнего угла страницы)

Слова из оригинального наброска приведены в т. VI, с. 467. Тем не менее, я привожу их и здесь, в фонетической записи. {конец стр. 457}

- 1 Wē drouv aut *the* orks fro[m] gard
- 2 ... [f]irst hōl. Wī slū meni andr *the* brait san
- 3 in the deil. Flōi woz kild bai an arou
- 4 Wī did
- 9 Wī ha[v] okjupaid *the* twentifirst hōl ov
- 10 norþ end. Ðer ðr iz
- 11 šaft iz
- 12 [B]alin haz set ʌp hiz tšēr in *the* tšeimbr ov Mazar
- 13 bul Balin iz lord ov
- 14 Moria
- 18 Balin
- 20 Kazaddūm

Налицо совпадение, пусть и неполное, этой надписи с версией E. Звуку *s* соответствует руна %, а не *f*, причем последняя используется для обозначения звука [A], как и в E. Однако наличествует расхождение рун для передачи звука *w*, которому в данном случае соответствует руна à, обозначающей звук *dž(j)* в версии E и *gw* в версии N. Короткая одиночная вертикаль, в версии E использованная для сокращенного обозначения определенного артикля *the* (в верхней позиции) и для передачи гласного

[q] (в нижней позиции), здесь употреблена в качестве сокращения *the* (в нижней позиции), в верхней же позиции короткая вертикаль означает звук *h* (как в английских словах *have*, *has*, *his*): в слове «hall», появляющемся в надписи дважды, короткий штрих каждый раз стоит в нижней позиции. Тем не менее, это может быть просто ошибкой, поскольку руны в этом наброске были нарисованы очень поспешно, причем некоторые были изображены неправильно и исправлены позже. Руны для обозначения начальных согласных [ʃ] (в слове «shaft») и [ʃ] (в словах «chair», «chamber») также отличаются от чтений, приведенных в Е. Использование же руны, передающей звук *m*, в качестве звука *v* в «we have occupied» (9-я строка) явно ошибочно. И, наконец, звук [A] употреблен не только в словах «under», «sun» и «up», но и в словах «an» (артикл перед словом «arrow») и «first» (когда оно появляется во второй раз).

Сличение с вариантом Е показывает, что вторая версия страницы из книги Мазарбул согласуется с Е полностью. Изменение же формы руны (вертикальная черта опускается слева направо, а не поднимается), обозначающей звук *l*, в имени *Fði* (4-я строка), скорее всего, является случайным (в третьей версии форма руны правильная).

К этой версии отец приложил фонетическую транскрипцию. В ней он толковал сочетание звуков *oukn* в 6-й строке как часть слова *?broken* (разбитый), *it* в конце 10-й строки как *?its*, и сочетание звуков перед словом *helm* (шлем) в 17-й строке как *(?sil)vr* (серебряный), хотя последняя руна явно обозначала звук *n*, а не *r* (в третьей же версии была использована руна, передающая звук *r*).

Последовательность изменений в этом тщательно продуманном отрывке была, вероятно, следующей. Первоначальной формой текста, который Гэндальф прочел в книге Мазарбул, как мне кажется, является самый ранний рисунок страницы этой книги (лист VI, i). С ним тесно связана первая версия описания соответствующей сцены в Мории, записанная карандашом, которую вполне можно прочесть даже под чернильными записями, которые впоследствии были сделаны отцом поверх записей карандашных (см. с. 191 и прим. 4 к с. 205). В обеих версиях мы имеем «the Orcs» вместо «Orcs» и «chair» вместо «seat»; однако в тексте повествования наличествуют слова «we have found truesilver, well-forged» и «(To)morrow óin is ... lead ... seek for the upp(er)

armoury of the Third Deep», ни одного из которых нет на первом рисунке страницы из книги Мазарбул.

В первом повествовании переписанный текст, приведенный на с. 191, полностью соответствует тексту на втором рисунке страницы (лист VI, ii).

Третий рисунок страницы (который во всем схож со вторым, и в котором используется та же система рун) соотносится с текстом чистовой копии рукописи «Шахты Мории», приведенном на сс. 200-1.

Таким образом, очевидно, что первые три рисунка страницы книги Мазарбул относятся к одному времени, и отражают процесс доработки этого отрывка от первоначального черновика к первой чистовой версии соответствующей главы повествования, и что рунический алфавит, представленный в версии E, «Руны гномов для письма на английском» (лист V), принадлежат к тому же времени. Однако к тому времени, когда появилась четвертый вариант страницы книги Мазарбул, рунический алфавит уже был изменен.

Первые рисунки остальных двух страниц из книги Мазарбул (страницу, которую Ори записал тэнгваром, и последней страницы, написанной рунами) совпадают. Они были выполнены в одно время с третьим рисунком первой страницы; текст см. на сс. 200-1.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Самая ранняя руническая запись, относящаяся к Средиземью, которая мне известна, — это небольшой листок бумаги из ранних рукописей отца, озаглавленный «Гондолинские руны». Это алфавит, в котором почти все значения рун отличны от свойственных *Ангертасу*, но в котором прослеживается очевидная связь фонетического строя с формой написания рун.

² Ср. с «Ламмас» в т. V, сс. 173-4.

³ Касательно данианских эльфов (*данас*) см. т. V, сс. 176, 188-9.

⁴ См. «Квэнта Сильмариллион» в т. V, с. 263.

⁵ Ср. с «Айнулиндале» в т. V, с. 162.

Runes of Belerland

The oldest signs seem to have been the following:—

- Series (1) P. B. 9. 8. Φ. R. 9. 8.
 (2) T. F. 1. 7. ↑. 7. √. M. 4.
 (3) Y. Y. 4. 4. Ψ. K. X. Ж.
 (4) miscellaneous. I. X. N. A. V. Q.

The distribution of these signs among the required values differed considerably at different times and in different places, but all varieties agreed on taking Series 1 generally as labials and Series 2 as dentals, while the principles were also usually observed that reversal represented a spirant (P p 4 f) and addition voicing (T t F f 1 d).

The chief divergence occurred in the invention and application of later signs. As usual in runes there were no horizontal bars in the original runic form; but it may be noted that most of the runes consisted of a single vertical with a side appendage which was never attached to the bottom (except as a reduplication of one already at the top). Later elaborations developed inverted forms as *l* and here the application was variable.

The original Doriath order of letters in transcription (phonetic) was as follows: (1) a. i. u. e. o. (2) p. t. k. (3) b. d. g. (4) f. p. s. X(h). (5) b. 8. 3. l. r. z. (6) m. n. n. ng. (7) j. w. In this order it was borrowed in Ossiriland, and so in E. Danian and Taliska.

The runes associated with these values were usually:—

a	i	u	e	o	p	t	k	b	d	g	f	p	s	X	b 8 3

l	r	z	m	n n, ng	j	w

This series was altered by the intrusion of signs for kw etc. (inverted p or k runes being used: *b* or *l*); and the use of signs for vocalic and consonantal diphthongs; also a differentiation was made between *n* and *ng*, *h* and *X*, and between *ē/e*, *ō/o* (the other long vowels being distinguished

III

and so on), which was frequently done even with *ai*, *au*, *ui*.

Since later in Noldorin *mb*, *nd* became *m*(*m*), *n*(*n*) confusion arose with *B* *J*, and both tended to be used indiscriminately, while *X* dropped out of use except for occasional employment as *nn*. *ng* also became *nd*, so two developments occurred: (a) *Ǽ* was used = *nd* (transcription *ng*), and *X* was used for *nk* (transcription *nc*); or (b) *Ǽ* was dropped and only *X* used.

The written form, or 'Alphabet of [Pengolod >] Dairon'

Π.Ι.Ο.Λ.Υ.	Η.Η.Θ.Μ.Ω.	μ.ϩ.ϩ.	Ρ.Ρ.Ρ.Λ.
υ	ω	υ	
a i u e o	á í ú é ó ⁽¹⁾	ai au ui	p t c ⁽²⁾ cw
Ρ.Ρ.Κ.Ε.	Γ.Τ.δ.ο or γ.ϩ or λ.Φ.	ϩ.Γ.Χ.Σ.Ζ or Ζ.	
b d g gw	f th s h ch chw wh v dh gh ⁽³⁾ l lh		
Τ.Ψ.Ι or ϩ. Q.	Β.Υ.Χ or Χ.Λ(λ).	δ.ϫ.ϫ.Β.β.δ.	
r rh i(=i) w	m n ⁽⁴⁾ ng nw	mb ⁽³⁾ nd ⁽³⁾ ng sp st sg mm nn (sb) (sc)	

Notes. (1) These letters (*á í ú é ó*) originally longs were variously employed in representations of later Noldorin. (2) Originally *C* was also employed as a variant; but later it was used as a sign of hiatus between vowels, and especially initially to represent vocalic beginning after loss of *h* (*gh* from *g* by mutation). (3) These letters though only employed regularly in Old Noldorin were retained in the alphabet and sometimes in orthography — as *ZNB* = *lamb* pronounced *lām* (<**lambē*) 'tongue'; but *X* and *ϫ* became used as mere variant shapes of the same letter. (4) Originally *Ψ* was used as a variant of *Υ* = *n* (and *ϩ* of *λ* = *nw*); but later *Ψ* became used as the sign for initial voiceless *r* (*rh*), when the two forms of *l* became differentiated (as *S* = *l* 2 or *Z* = *lh*).

Other vocalic signs were also often employed but not reckoned as separate letters. Thus *λ ei* = *ΛΙ*; *λ eo* = *ΛΥ*; *υ or ι oe* = *ΥΛ*; and the modifications: *υ w* = *oe* monophthong [*ö*], *Θ, Ω* = *y*.

The signs *δ z*, *β zd*, *ϩ ngw* were no longer retained in the alphabet. Similarly *Β* (*x*, *ks*, *hs*), *Η or ηλ* = *hy* were only used in representing foreign words

VI

[illegible]

(ii)

'One page of the Book of Moria'

1 ԳՆ ԲՆՎՅ ՌԻ ՎԻՂՂ ԳՆՎ.....ԿՈՒԲ...
 2 ՎԻՂՂՐ <ՎԻ ԳՆ ՂԻԾ ԵՂՎԻ >*Տ ԻՐՏՄԻ ԶՅ
 3 ԻՄԻԲԻՏ ԳԻՎԻ ԳՎՂ ԿԻԲ ՔՄ ԻՄ ԲԻՎ ԿԻ
 4 ՂԻԾ.....ԳԻՎԻ
 5 ԻՄԵ
 6 ՎԿԿ
 7
 8
 9 ԳՆ <ԲՆ ՎԻՂՂՐՄԻՐ ԻՐՂՂՆԻԳԻՂՂՐ <ՎԻ Զ ԿՎՏԻ
 10 ԱՋ ԶՄՏ ԳՏ ԻՂ.....ԻՐ
 11 ՂԶԳՐ ԻՂ
 12
 13 ԼԲ
 14 ԲՈՒԻԿ <ԲՂ ՂՂՐ >Ք Զ ՂԿՐ ԻԿ ԼՄՑԻՏ Զ ԵՈՂ
 15 ՈՒՐՔԻՏ
 16 ԿՎԻԲ.....ԶԻՏԻԿՂ ԲՂ ԶԿ <ԼԻԲ
 17 ԲՈՒԻԿ ԻՎՐԲ Զ ԵՄԻՈՆ.....
 18 + + +
 19 ԳՆ ԶՄՔ ԻՐՂՂԻՂԻՂՏ
 20 ԼՏ ԳՎՐԵԲ
 21 ԵՎՐՎ ՎԻԿ ԻՂ
 22 ԿԻԲ ՂԿԿ ԳՎՏ ԻՐՐԻ Տ ՈՒՐՔԻՏԻԶ Տ
 23 ԻՐՂՂՔՏԻ Զ ԴԻՐԲԻՐ ԵԻՂԻ
 24 ԳԻԼ
 25 ԳՂԻՐ.....ՈՒԻԿ

Дж.Р.Р. ТОЛКИН

**The Adventures of Prince George (the farmer's son)
and the fat boy Souvetaurilius (vulgarly Suet),
and the battle of Otmoor.
When Georgius Draconarius
(or in the vulgar young George Worming Gile's son)
became King of the Little Kingdom**

Приключения принца Джорджа, сына фермера Джайлса,
толстого юноши Суоветаврилия (в просторечии Суэта),
а также битва при Отмуре.
О том как Георгий Драконарий
(в просторечии Джордж Змеёвич,¹ сын Джайлса)
стал королем Малого Королевства

(продолжены повествования Фермер Джайлс из Хэма)

(Перевод и комментарии – © М.Кизилев, Оксенфорд, 2006)

От переводчика. Мое знакомство с Толкиным, как я полагаю, складывалась не совсем так, как у большинства из русскоязычных читателей. Как правило, первое, что попадает под руку современному отечественному читателю – это «Хоббит» или «Властелин», а уж затем приходит знакомство с остальными произведениями.

Со мной все было иначе. В те, уже достаточно далекие, годы моего советского детства русскоязычный читатель мог прочесть лишь переведенного в 70-ые годы «Хоббита». Однажды, солнечным утром «застойного» 1980 года, зайдя вместе с моим отцом в магазин «Дружба» - о, эти волшебные магазины, находившиеся почти в каждом городе СССР, где продавались книги на иностранных языках – преимущественно издававшиеся в «братских» социалистических странах – сказки, фантастика, детективы и пр. – все то, что так мало и редко печаталось и переводилось в Союзе. Для многих интеллигентов того времени эти магазины были единственным «окном» в мир западной литературы, а выучить польский, чешский или болгарский языки особого труда не составляло. Так вот, зайдя в магазин, я, шестилетний мальчик, видимо, ведомый рукой одного из Валаров, ткнул пальцем в яркую гляцевую обложку с изображенным на ней свирепым драконом и попросил отца купить и перевести мне ее. Тогда мы не знали ни автора, ни самой книги. Этой книжкой оказался чудесный польский перевод «Фермера Джайлса из Хэма» М.Скибневской², которую отец прочитал мне в своем переводе на русский. Книга понравилась - и поэтому какое-то время спустя в нашу семью пришли и «Хоббит» и «Властелин» (кстати, добавлю, что отчаявшись получить второй том «Властелина» - он был напечатан только лишь в 1990 году – я сначала

прочел всю трилогию, и даже «Сильмариллион» на польском – купленными нашим другом все в том же магазине «Дружба»).

Несмотря на то, что «Властелин», безусловно, вскоре вытеснил из моего сердца «Джайлса», псевдо-историческая хроника о рыжебородом фермере, его наглом псе и трусоватом драконе продолжала жить внутри меня все эти годы. Наверное, поэтому вы сможете понять мою радость, когда, в прошлом году, просматривая «толкинистскую» полку оксфордского магазина «Blackwells», я внезапно обнаружил новое издание этой повести, к которой прилагались ее первый, черновой вариант, а также неоконченный вариант ее продолжения.³ Спешу поделиться моей радостью со всеми любителями Толкина. В мои комментарии я частично инкорпировал замечания английских издателей произведения (Christina Scull, Wayne G. Hammond). Как вы можете заметить, Толкин успел завершить лишь начало первой главы, а также черне набросать полный сюжет сказки.

Михаил Кизиров
Оксфорд, 2006

Джордж Змеевич был крепким молодым парнем, знавшим толк в породистых псах и лошадях, но вовсе не в цифрах и не в книжной латыни. В принципе, это было совершенно неважно, потому что он был принцем: его настоящее имя звучало Georgius Crassus Ægidianus Draconarius Princeps de Hammo (почетный титул), но он редко пользовался им полностью. Народ Малого Королевства именовал его «Наш Джорджи». Его отцом, которого вы быть может еще помните, был король Джайлс, в прошлом крестьянин, от которого он унаследовал рыжую бороду и вкус к хорошему пиву. Его матерью была королева Агата, которую он, вместе со всем населением этого королевства (за исключением, пожалуй, лишь самого Джайлса), чрезвычайно побаивался – и правильно делал. От нее он унаследовал некоторую полноту и упорство в достижении цели.

- Георгий, сын мой, - сказал однажды король Джайлс, найдя Джорджа неподалеку от королевских конюшен, задумчиво пожевывающего соломинку.
-Ну, как поживаешь?

- Не знаю, отче, - ответствовал Джордж. - Как-то так, неспеша.

- Ну, еще бы, - сказал Джайлс. - Так оно и должно быть, неспеша. Это приносит меньше затрат и помогает избежать неприятностей. Но есть тут одно небольшое дельце на Севере – народ опять жалуется на этих иностранцев. Мне подумалось, что ты мог бы поехать и глянуть, как там и что.

- Я мог бы, - сказал Джордж. - А сражаться придется?

- Ну, может быть и придется, - ответил Джайлс. - Это уж тебе решать.

- Ну ладно, - сказал Джордж. - Если я успеваю назад к конному состязанию, то я не возражаю.

- Послушный сын, - сказал Джайлс. - А сейчас, вытяни-ка эту соломинку изо рта и вытри навоз с сапог. Тебе бы стоило выглядеть как полагается – возьми с собой нескольких рыцарей, знаменосца и парочку герольдов. Произведи на них хорошее впечатление.

- Ну ладно, - сказал Джордж, вынимая соломинку и внимательно разглядывая сапоги. Он свистнул сквозь зубы, и появился его паж, Суэт.

Так вот и случилось, что одним прекрасным майским утром юный Джордж оказался на дороге к северу, с развевающимся на ветру знаменем и веселым сопровождением сзади.

- Эгей, Джордж едет! - кричал народ [Малого Королевства]...

[здесь предложение прерывается на полуслове и далее следует краткое изложение сюжета незаконченной повести:]

У Джорджа была молодая леди на севере. По пути в Фартинго он, со всей свитой, сворачивает, чтобы встретиться с ней. Там его схватывают воины из владений короля Бонифация. Предательство леди (или ее отца). Джайлс не получает никаких известий. Джорджа увозят в качестве пленника. Переговоры между Джайлсом и Бонифацием, однако Джайлс не принимает условий (выплата крупного выкупа и признание Бонифация в качестве верховного правителя). Джайлс готовится выступить вместе с Драконариями. Свинопас Суоветаврилий (в просторечии Суэт), вызывается отнести опасное сообщение Хризофилаксу.

В это время Георгию удастся сбежать из тюрьмы. Пользуясь своим чудесным умением обращаться с лошадьми, он переодевается конюхом и завоевывает дружбу лучшего коня королевской конюшни – Буцефала III (известного также как Бычьеголов, или, в просторечии, Коровья Морда). Спасаясь от погони, он едет на северо-восток. Сталкивается с великаном. К сожалению, он решает остановиться [в пещере] у великана по имени Каур и сообщает ему, что он сын Джайлса. Каур плохо с ним обращается. Суэт достигает Диких Холмов и обнаруживает местонахождение Джорджа, похрюкивая перед всеми пещерами (Джорджу очень нравятся фермерские звуки – дома он весьма благоволил к Суэту за его умение [подражать звукам крестьянского двора]). Суэт отправляется на поиски Хризофилакса. Сложность убедить Хризофилакса в необходимости действовать. Длинный спор между Суэтом и драконом. В конце концов Суэт убеждает Хризофилакса

отправиться на освобождение Джорджа. Они связывают Каура и втыкают в него булавки. В это время начинается война. Рать короля Джайлса оттеснена к югу, начинается битва возле деревни Ислип. В самый критический момент с северо-запада появляется Джордж на драконе и Суэт на Буцефале. Воинов Среднего Королевства охватывает ужас, они бегут, многие гибнут в Отмурских болотах. Размеры Среднего Королевства, аннексия [Джайлсом] новых областей к западу от реки Червелл. Фермер Джайлс в почете живет до конца своих дней. Строительство замка для дракона, Суэт становится лордом.

Джордж наследует трон, но, будучи разочарован в женщинах, отказывается жениться и назначает Суэта своим наследником.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В оригинале “George Worming” – что мы решили перевести как «Джордж Змеёвич» (ударение на втором слогe) – по аналогии с (анти)героем русских былин «Тугарином Змеевичем».

² J.R.R. Tolkien *Rudy Dřil i jeho pies / Kowal z Podlesia Wikkszego*, tłumaczyła M. Skibniewska (Warszawa: Czytelnik, 1980).

³ J.R.R. Tolkien, *Farmer Giles of Ham*, embellished by Paulina Baynes, ed. by Christina Scull and Wayne G. Hammond (London, 2000).

⁴ В другом варианте еще более пышно – Georgius Crassus Жгидианус Драконариус, Dominus et Comes de Domito Serpente, Princeps de Hammo et rex totius regni minoris – Георгий Красс Эгидий Драконарий, Повелитель и Граф Укрощенного Дракона, Принц Хэма и Король всего Малого Королевства. Лат. crassus и совр. англ. crass («грубый, глупый, тупой, бестолковый») намекают на некоторую недалекость принца. Возможна также аллюзия на римского полководца Марка Красса – в то время как полное имя Джайлса, Жгидиус Ахенобарбус Юлиус Агрикола, вызывало ассоциации с римским полководцем Юлием Агриколой.

⁵ Деревня на север от Оксфорда, в южном Ноттингэмшире – по мнению Профессора, самый северный форпост Малого Королевства, за которым уже начинались негостеприимные владения Августа Бонифация.

⁶ Драконари – т.е. «охранники дракона» – дружина, изначально состоявшая из «недобитков» рати короля Бонифация.

⁷ Suovetaurilia – в римские время жертва после церемонии очищения, состоящая из свиньи (sus), овцы (ovis) и быка (taurus). Suet, прозвище паж, означает «почечное или нутряное сало, а также окопечный жир» – намек на некоторую дородность Суэта. Средневековое латинское выражение «suetum carceris» значит «оплаты за отпущение на волю под денежный залог» – возможный намек на «освободительную» миссию Суэта.

⁸ В оригинале “Oxhead (or Bucephalus III) – known as Cowface” – аллюзия на Буцефала, любимого коня Александра Македонского (от греч. bous+kephale – бычья голова).

⁹ По валлийски sawt значит великан. На маргиналиях своей рукописи Толкин оставил замечание Saugus Maximus, т.е. «Величайший великан». Испаданом Пенкауrom звали великана в валлийском предании о Килохе и Олуэн. Возможно, что Кауrom является тот самый великан, который в свое время получил порцию дробы из джайлсовского бландербасса (мушкетона) – именно этим можно объяснить его плохое обращение с Джорджем.

¹⁰ Т.е., вероятнее всего, Сноудонии в современном Уэльсе. Именно в районе Уэльса, как известно из других повестей Толкина, проживали драконы и великаны.

¹¹ В оригинале сказано, что Суэт обнаружил местопребывание Джорджа *by making farmyard imitations* («подражая крестьянскому двору») – т.е., вероятнее всего, похрюкивая, учитывая его свинопасское прошлое. Данный сюжет явно представляет собой пародию на историческое предание о пребывании в плену Ричарда I Coeur de Lion (Львиное Сердце), обнаруженного верным министром, певшим его любимую песню.

¹² Вероятно, аллюзия на Свифтовского Гулливера, какового, как вы помните, однажды связали веревками и утыкали булавами лилипуты.

¹³ Деревня в 7 милях к северу от Оксфорда.

¹⁴ Зона возле реки Отмур на некоторых картах действительно обозначена как Danger Area – видимо из-за тамошних болот.

Дж. Р. Р. ТОЛКИН

ПИСЬМО МИСТЕРУ СОУЧУ
(8 сентября 1955 г.)
(перевод – Д. Виноходов, А. Хананашвили)

В феврале 2005 года на аукцион Чарльза Лески (<http://www.leski.com.au/news/20041221/tolkien.htm>) было выставлено письмо Дж. Р. Р. Толкина, не включенное в сборник писем под редакцией Х. Карпентера и К. Толкина. Устроители торгов не стали делать тайну из его содержания и обнародовали факсимиле, благодаря чему мы имеем возможность ознакомиться с ним. Переводчики выражают свою глубокую и искреннюю благодарность Диару Туганбаеву, Марии Артамоновой и Светлане Лихачевой за помощь в прочтении рукописного оригинала текста.

* * *

Сэндфилд-Роуд, 76,
Хедингтон, Оксфорд.

8 сентября 1955 г.

Дорогой мистер Соуч!

Извините за задержку с ответом на Ваше письмо. Я ненадолго ездил отдохнуть в Гондор (или, на современный лад, в Венецию). Поездка лишь увеличила мою и без того крайнюю усталость. По возвращении я отсыпался несколько дней. Но не в ущерб Третьему тому! Не так давно я пустил его в плавание, хотя, несомненно, должен был сделать это еще весной. А почему бы и нет, раз написан-то он уже давно? Но увы, с того момента, как книга начала издаваться, на меня навалились неотложные дела и служебные обязанности, так что подготовка «Приложений» оказалась задачей не из легких, на которую ушло много времени. В конце концов, от многого пришлось отказаться, включая факсимиле «Книги Мазарбул» и указатель имен (с переводом).

Так что вскоре должны появиться следующие 300 страниц основного повествования и около 100 страниц дополнительных материалов. Как я слышал, ожидается это в конце месяца. Надеюсь, не позже!

Вы были очень любезны, написав мне. Я не могу удовлетворить Ваше любопытство относительно дальнейшей судьбы персонажей книги; но надеюсь, что её окончание не разочарует Вас. Сам я не сомневаюсь, что события развивались именно так, но это не значит, что моя попытка их изложить увенчалась успехом. Трудно рассказывать одновременно столько историй и сопереживать такому количеству их участников.

Теперь мне пора возвращаться к легендам Первой и Второй эпох и приводить их в порядок!

Искренне Ваш*,
Дж. Р. Р. Толкин.

* Здесь Толкин использует оборот, который в опубликованных письмах не встречается. В большинстве случаев он писал “*Yours sincerely*”, а в данном случае – “*Yours nicely*” – Прим. перев.

76 Sandfield Road

Headington

Oxford

8 September 1955.

Dear Mr. Souch,

I am sorry for the delay in answering your letter. I went for a brief holiday in Goudon (or in modern terms Venice), which only served to reveal my tiredness to the full, and not to relieve it. Since my return I have let the days slip. Not to the detriment of Vol. III! That was out of my hands some time ago. It should, of course, have come out in the Spring. And why not, since it was all written long ago? Well, from the moment publication began, I was beset by obstacles in the shape of ineluctable duties and offices; and the compression of the material into Appendices was a long and difficult task. In the end much has had to be jettisoned, including the facsimiles of the 'Book of Mazanbul', and the index of names (with translation).

Such as this, another 300 pages of narrative, and about 1000 of additional matter"; it should appear soon. When I last heard it was hoped to done it at the end of this month. I hope it will not be any longer!

It is extremely kind of you to write. I will not relieve your anxiety about the fate of the various characters; but I hope the ending will not seem unworthy. I have not myself any doubt that things went just so. But that does not say that my attempt to record them is successful. The problems of presentment with so many centres of sympathy and attention were considerable.

Before long I must turn to the legends of the First and Second Ages, and put them in order!

Yours sincerely
J.R.R. Tolkien.

Дж.Р.Р.ТОЛКИН
“ХОББИТ, или ТУДА и ОБРАТНО”
ГЛАВА ПЯТАЯ
ЗАГАДКИ ВО ТЬМЕ
(первоначальная версия)
Перевод - Карпова Н.В., Карпов Г.В

Когда Бильбо открыл глаза, он задумался – а открыл ли он их вообще. Вокруг никого не было. Представляете, как он испугался? Ничего не слышно, ничего не видно, и рядом ничего, кроме каменного пола.

Очень медленно он поднялся и пополз наощупь, пока не добрался до стены туннеля. Ни впереди, ни позади не было ничего. Вообще ничего. Гоблинов и гномов уже и след простыл. Мысли его путались, и он уже не мог точно сказать, откуда он шел, когда упал.

Он выбрал путь как сумел, и пополз вперед. Вдруг его рука нашарила на полу вещь, похожую наощупь на холодное металлическое колечко. Это был переломный момент в карьере Бильбо, но тогда он еще об этом не знал. Почти не задумываясь, он сунул кольцо в карман; особенного толку от него в тот момент будто бы не было. Бильбо прополз еще немного, а потом сел на холодном полу и надолго предался размышлениям о своей совершенной несчастью. Бильбо представлял, как он жарит у себя дома яичницу с беконом (в глубине души он чувствовал, что уже давно пора чего-нибудь пожевать) – но это только усугубило его несчастье.

Он не мог понять, что ему делать; и что случилось, тоже не мог понять. И почему его бросили; и, если его бросили, то почему гоблины его не схватили. Он даже не мог понять, почему у него так болит голова. А дело было в том, что он очень долго пролежал без единого звука в темном углу, с глаз долой, сознание – вон.

Через некоторое время он полез за трубкой. Трубка была цела – уже что-то. Потом он полез за кисетом, а в нем нашлось немного табака – еще лучше. Потом он полез за спичками – но ни одной не обнаружил, и все его мечты разлетелись вдребезги. Когда Бильбо пришел в себя, он решил, что оно и к лучшему. Мало ли что повывезло бы из темных дыр этого жуткого места на чирканье спичками и запах табака. И все же тогда он был совершенно подавлен. Однако пока он хлопал по карманам и ощупывал себя в поисках спичек, его рука наткнулась на рукоять клинка – маленького кинжала, который Бильбо добыл у троллей, да совсем забыл; гоблины, похоже, тоже его не заметили, потому что он лежал в кармане штанов.

Бильбо обнажил кинжал. Тот светился бледным неярким светом. “Значит, это тоже эльфийский клинок”, – подумал он, – “А гоблины не очень близко, но и недостаточно далеко.”

И все же он немного утешился. Это было, в общем-то, здорово – носить при себе клинок, выкованный в Гондолине для войн с гоблинами, о которых пелось в стольких песнях. Кроме того, Бильбо заметил, что такое оружие производит огромное впечатление на гоблинов, когда те на него внезапно натываются.

“Назад?” – подумал он, – “А что толку? Вправо, влево? Невозможно. Вперед? Больше ничего не остается. Значит, вперед!” И вот он поднялся и потрусил вперед со своим коротеньким мечом наизготовку, одной рукой держась за стену, а сердце его всё колотилось – тук да тук.

И тут Бильбо пришлось, по его собственному выражению, туго. Но вы должны помнить, что мне или вам пришлось бы еще труднее. Хоббиты кое-чем отличаются от людей. Несмотря на то, что их симпатичные уютные норки проветриваются как полагаются и совсем непохожи на подземные ходы гоблинов, хоббиты все равно привычнее к путешествиям под землей, нежели мы, и их так просто с пути не собьешь, особенно если они уже пришли в себя после того, как их бумкнули по голове. Кроме того, они умеют очень тихо передвигаться, умеют прятаться и чудесным образом приходить в себя после падений и ушибов. А еще хоббиты располагают солидным запасом вековой мудрости и мудрых пословиц, о которых люди в большинстве своем и не слыхивали – или давно позабыли.

И все равно я бы не хотел оказаться на месте мистера Бэггинса. Этому подземному ходу конца не было. Бильбо только понимал, что ход неуклонно шел всё ниже и ниже – и всё время прямо, если не считать пары-другой изгибов. Время от времени то справа, то слева попадались боковые ходы – Бильбо либо видел их при тусклом свете своего клинка, либо находил наощупь. На эти ходы он не обращал внимания; ну, разве что торопился миновать их поскорее, опасаясь гоблинов, или начинал воображать вылезающих из них темных тварей. Шел он и шел, всё вниз да вниз, и по-прежнему не слышал никого, кроме летучих мышей, пролетающих мимо. Сначала они пугали Бильбо, но потом стали встречаться так часто, что он перестал обращать на них внимание. Не знаю, как долго он шел – и боясь идти вперед, и не осмеливаясь остановиться – вперед и вперед, пока не начал падать от усталости. Казалось, что уже наступило завтра или даже послезавтра...

И вдруг совершенно неожиданно он оказался в воде! Ох! Вода была ледяная. Бильбо встал как вкопанный. Он не знал, что это было – просто лужа, берег подземной реки или край глубокого потаенного подземного озера. Клинок уже почти не светился. Бильбо остановился, прислушался, и, прислушавшись как следует, услышал, как с невидимого свода кап-кап-капают в воду внизу капли. Больше, кажется, ничего не было слышно.

“Значит, это лужа или озеро, а не подземная река,” – подумал он. И всё же брести по воде в темноту он не рискнул. Плавать он не умел, а, кроме того, в голову ему сразу полезли мысли об извивавшихся в воде гадких склизких существах с огромными выпученными слепыми глазами. В лужах и озерах в сердце гор живут странные существа: рыбы, прародители которых заплывли под землю никто не знает сколько лет назад, но обратно так и не выплыли, а глаза их становились все больше и больше и больше от попыток рассмотреть хоть что-нибудь в подземной темноте; были там существа и попротивнее, чем рыбы. Даже в тех ходах и пещерах, которые вырыли для себя гоблины, жили, неведомые им, и другие существа, которые прокрались сюда с поверхности, чтобы затаяться во тьме. А некоторые из этих пещер будут и подревнее гоблинов; гоблины только расширили их и соединили ходами, а прежние их обитатели всё еще таятся по разным закоулкам, шныряя и вынюхивая.

Тут-то, у темной водицы, и жил старый Голлум, маленькое скользкое существо. Не знаю, откуда он взялся, кто или что он был. Он был Голлум – темнее тьмы, только два огромных круглых глаза тускло светились на его худом лице. У него была лодочка, и в ней он тихо плавал по озеру, ибо это и было озеро, широкое, глубокое и ужасно холодное. Плавал он, свесив за борт свои большие лапы и загребая ими – без единого всплеска, даже рябь по воде не шла. Чтобы ему – да шуметь? Ни-ни. Тусклыми, похожими на фонари глазами, он высматривал в воде слепую рыбу и тут же хватал ее своими длинными пальцами. Мясо он тоже любил. Он бывал доволен, когда ему удавалось добыть гоблина. Но Голлум всегда был очень осторожен и старался, чтобы его не заметили. Выходя на охоту, он просто душил гоблинов сзади, если им случилось по одиночке подходить к краю воды. А случалось такое редко; гоблины подозревали, что что-то гадкое таится там, у самых корней горы. Они дорылись до этого озера очень давно и поняли, что дальше рыть некуда; потому в этом направлении они дальше не двинулись, да и к самому озеру заходили только если их посылал Верховный Гоблин. Иногда ему случалось захотеть рыбы из этого озера, а иногда он не дожидался ни посланного, ни рыбы.

Голлум жил на скользком каменном островке посередине озера. Теперь он рассматривал Бильбо издали своими тусклыми глазами как в телескоп. Бильбо не мог видеть Голлума, а тот пребывал в полном недоумении относительно Бильбо, поскольку видел, что Бильбо – совсем не гоблин.

Голлум забрался в лодку и поплыл к берегу озера, где сидел Бильбо, совершенно потерявшийся и потерянный. И вот вдруг перед ним объявился Голлум, и зашептал, и зашипел:

“Ух ты-баракхты, моя прелес-с-с-сть! Отборнейшее лакомство, вкусный кусочек для нас, голлум!” Произнося “голлум”, он делал горлом жуткий плотательный звук. Потому-то его так и прозвали, хотя сам он себя всегда называл “моя прелесть”.

Услышав шипение и увидев пляшущие на него тусклые глаза, хоббит чуть из штанов не выпрыгнул.

“Ты кто?” – выпалил он, тыча перед собой кинжалом.

“А он кто такой, моя прелесть?” – прошипел Голлум (который всегда говорил сам с собой, потому что больше ему не с кем было разговаривать). Затем-то он и пришел сюда – узнать, кто это такой. Сейчас Голлум не был особенно голоден, ему просто было любопытно. Иначе бы он сначала сцапал хоббита, а уже потом шипел.

“Я – Бильбо Бэггинс, я потерял гномов и потерял волшебника, и я не знаю, где я, да и знать не хочу, лишь бы выбраться отсюда.”

“Что это у него за ш-штуковина?” – спросил Голлум, глядя на меч, который ему не особенно нравился.

“Меч, клинок из Гондолина!”

“С-с-с-с,” – прошипел Голлум и вдруг стал очень учтив. “Можить, пос-с-сидеть тут и поболтать с-с-с ним чутка, моя прелес-с-сть? Любит он загадки? Можить, любит, а?” Он очень хотел казаться вежливым, по крайней мере сейчас, до тех пор, пока ему еще не удалось вызвать побольше о мече и самом хоббите – был ли тот действительно один, годился ли в пищу. Кроме того, Голлум еще не понял, действительно ли он сам голоден. А единственное, что пришло ему в голову – это загадки. Загадывать загадки и иногда разгадывать их – это была единственная игра, в которую он давным-давно играл с другими забавными существами, жившими в норках. Еще до того, как он растерял всех друзей, был выгнан отовсюду и уполз один-одинешенек в подгорную тьму.

“Ладно,” – сказал Бильбо, который был готов согласиться на все, пока ему еще не удалось вызвать побольше об этом существе – был ли тот действительно один, собирался ли нападать, был ли голоден и не был ли он другом гоблинам.

“Загадывай первым”, – сказал он, потому что сам ещё не успел придумать загадку.

Голлум прошипел:

*Ее корней не видно нам,
А крона рвется к облакам.
Всё вверх она идет,
А только не растет.*

“Это легко!” – сказал Бильбо. “Думаю, гора.”

“Легко отгадывает загадки? Он должен с нами посостязаться, моя прелес-с-сть! Если моя прелесть спросит, а он не ответит, мы его съедим, моя прелес-с-сть. Если он нас спросит, а мы не ответим, мы ему подарим кое-что, голлум!”

“Идет!” – сказал Бильбо, не смея отказаться, и принялся выдумывать загадки, которые могли бы спасти его от съедения. У него чуть пар из ушей не пошел.

*Тридцать белых скакунов встали в ряд:
То копытом бьют,
Удила грызут –
То спокойно спят.*

Больше он ни до чего не додумался – никак не мог отвлечься от мысли о съедении. И загадка-то была

старая. Голлум знал ответ на нее не хуже вас.

“С-с-старо, старо” – прошипел он. “Зубы, зубы, моя прелесть. Но у нас их только шесть!” Потом он задал вторую загадку:

*Без рта кричит, лепечет,
Кусает без зубов.
Без крыл трепещет,
Кто он таков?*

“Полминуточки!” – воскликнул Бильбо, которого все еще мучила мысль о съедении. К счастью, он как-то раз слышал похожую загадку и, собравшись с мыслями, нашел ответ. “Ветер, конечно, ветер,” – сказал он, настолько довольный собой, что следующую загадку сочинил сам, прямо тут. “Будет над чем поломать голову этой гадкой подземной твари,” – подумал он.

*Глазок, что сияет на синем лице,
Увидел другой на зеленом лице
И сказал: “Ну что же,
Мы с тобой похожи.
Но я сижу повыше,
А ты, дружок, пониже.”*

“С-с-с-с,” – зашипел Голлум. Он долго жил под землей и стал забывать такие вещи. Но как раз в тот момент, когда Бильбо начал надеяться, что Голлум не сможет ответить, тот вспомнил о давних-давних временах, когда он жил со своей бабушкой в норе на берегу реки, “С-с-с, с-с-с, моя прелесть,” – сказал он, “Солнце и ромашка, вот что это значит, ага.”

Но эти обычные загадки из мира наверху начали надоедать Голлуму. Кроме того, они напоминали ему о времени, когда он еще не был таким одиноким, скрытным, хитрым и гадким – а это портило ему настроение. А главное – от таких загадок у него просыпался аппетит, так что на этот раз он попробовал загадать загадку посложнее и попротивнее:

*Не ухватишь, не увидишь,
Не почувешь, не услышишь.
Из-под гор, из звездной дали
Раньше всех пришла в начале
И в конце накроет всех,
Душит жизнь и глушит смех.*

К несчастью для Голлума, Бильбо уже слышал похожую загадку, да и ответ на нее все равно был у него прямо перед носом. “Темнота!” сказал он, даже не почесав в затылке.

*Сундучок без замка и без крышки,
А внутри лежит золотишко.*

– загадал он, чтобы выиграть время, выдумывая что-нибудь посложнее. Он считал эту загадку ужасно простой, хотя и загадал ее немного не так, как ее обычно загадывают. Однако для Голлума она оказалась крепким орешком. Он долго шипел себе под нос, шептал и бормотал что-то, но всё не отвечал.

Через некоторое время Бильбо начал терять терпение. “Ну, так что это?” – переспросил он. “Судя по тому, как ты пытишь, можно подумать, что ответ – “кипящий чайник”, но это ответ неправильный.”

“Дай подумать. Пусть даст нам подумать, моя прелес-с-сть.”

Бильбо дал ему подумать – довольно долго.

“Ну так как насчет отгадки?”

Тут вдруг Голлум вспомнил, как давным-давно он таскал из гнезд яйца, а потом, сидя на берегу речки, учил свою бабушку их высасывать (бабушка, впрочем, прекрасно умела это и без него; а ученого учить, как известно – только портить). “Яйтс-с-са!” – прошипел он, “Яйтс-с-са, вот это что!” Потом он загадал такую загадку:

*Не дышит, а живет,
Холодна как лед.
Пьет, хоть жажды знать не знает,
Вся в броне, а не бряцает.*

На этот раз уже Голлум думал, что загадка вышла ужасно простая, потому что об отгадке к ней он думал постоянно. Но ничего лучше ему в тот момент не вспомнилось, слишком уж его расстроила и озадачила загадка про яйца. Однако эта загадка в свою очередь оказалась крепким орешком для бедняги Бильбо, который всегда старался держаться от воды подальше. Я думаю, вы-то, конечно, знаете ответ – или догадались бы в два счета, поскольку сидите себе спокойно дома и вам никто не мешает думать, собираясь вас съесть. Бильбо сел и откашлялся пару раз, но никакого ответа так и не придумал.

Через некоторое время Голлум с удовольствием зашипел себе под нос: “Вкус-с-ный ли он, моя прелесть? Сочный ли? Или вос-с-хитительно хрустящ-щ-щий?” И усталился на Бильбо из темноты.

“Полминуточки!” – попросил хоббит. Его била дрожь. “Я только что дал тебе подумать.”

“Пусть поспешит, поспешит!” – сказал Голлум, выбираясь из своей лодки на берег к Бильбо. Но когда он сунул свою длинную перепончатую лапу в воду, оттуда выпрыгнула испуганная рыба и попала Бильбо прямо на ногу.

“Ой!” – воскликнул он, “Холодная, мокрая!” – и так он догадался. “Рыба, рыба!” – вскричал он. “Это рыба!”

Голлум был ужасно разочарован; но Бильбо тут же как можно быстрее загадал новую загадку, так что Голлуму пришлось забраться обратно в лодку и призадуматься.

Безногая лежала на одноногом, рядом на три ноги сели две ноги, и четырехногий кое-что перепало.

Время для этой загадки было не особенно подходящее, но Бильбо торопился. Загадай он Голлуму эту загадку в другое время, тому бы пришлось поломать над ней голову. А раз уж они только что говорили о рыбе, было не так трудно догадаться, что такое “безногая”; дальше же всё было совсем просто. “Рыба лежала на столе, человек на табуретке ел рыбу, кошке остались кости.” – вот какова была разгадка, которую Голлум скоро и предложил Бильбо. Затем он подумал, что теперь пришло время задать какую-нибудь трудную и страшную загадку. Вот такую:

*Кто пожирает все вокруг,
Зверей и птиц, и лес, и луг?
Кто крошит сталь в своих зубах
И камни растирает в прах?
Пред кем вовек не устоят
Ни гордый царь, ни стольный град?*

Бедняга Бильбо сидел во тьме, припоминая ужасные имена всех великанов и чудовищ, о которых он когда-либо слышал в сказках, но ни один из них не делал всех этих вещей сразу. У Бильбо было ощущение, что ответ был совсем другим и что он должен был его знать, но в голову так ничего и не приходило. Ему стало страшно, а страх мешает думать. Голлум снова начал выбираться из своей лодки. Он прошлепал по воде и выбрался на берег; Бильбо видел, как приближаются к нему Голлумовы глаза. Язык Бильбо, казалось, присох к гортани, он хотел закричать: “Дай мне еще время, дай мне время!” Но все, что ему удалось прошептать, было:

“Время! Время!”

Спасла Бильбо чистая удача. Это, конечно, и был ответ.

В очередной раз Голлум был разочарован; кроме того, теперь он начинал сердиться, да и игра ему наскучила. А от этого он проголодался уже по-настоящему. На этот раз он не стал возвращаться в лодку, и сел в темноте рядом с Бильбо. Хоббиту стало просто жутко неудобно, и все мысли у него разбежались.

“Он должен задать нам вопрос-с-с, моя прелес-сть, да, вопрос-с-с-с. Прос-с-сто еще один вопрос-с-с, да,” – сказал Голлум.

Но Бильбо совершенно не мог придумать ни одного вопроса, пока эта гадкая мокрая тварь сидела рядом с ним, ощупывая его и тыча в него пальцами. Он почесался, ущипнул себя – и все равно ничего не приходило в голову.

“Спрос-с-си, спрос-с-си нас!” – повторял Голлум.

Бильбо ущипнул себя снова, дал себе пару оплеух, схватился за рукоять меча и даже ощупал свободной рукой карман. В кармане он нашарил кольцо, которое подобрал в туннеле и про которое уже забыл.

“Что это у меня в кармане?” – проговорил он вслух. Он говорил сам с собой, но Голлум подумал, что это загадка, и ужасно расстроился.

“Нечес-с-стно, нечес-с-стно!” – прошипел он. “Нечес-с-стно спрашивать, что у него в его мерс-с-ском кармане, да!”

Уразумев, что произошло, Бильбо продолжал стоять на своем. Никакой загадки лучше у него не было. “Что лежит у меня в кармане?” – повторил он погромче.

“С-с-с-с-с”, - зашипел Голлум, “Он должен дать нам три попытки, чтобы догадаться-с-с-ся!”

“Идет. Давай, отгадывай!”

“Рука!” – сказал Голлум.

“Нет,” – сказал Бильбо, который, к счастью, успел убрать из кармана руку. “Отгадывай дальше!”

“С-с-с-с-с”, - прошипел Голлум, разобитый совсем. Он перебирал в уме все те вещи, которые он держал в своих собственных карманах: рыбы кости, гоблиньские зубы, мокрые ракушки, кусочек нетопыриного крыла, острый камень, чтобы подтачивать клыки, и прочие пакости. Потом он стал думать о том, что другие держат в карманах.

“Нож!” – сказал он наконец.

“Нет!” – ответил Бильбо, который уже давно потерял свой нож. “Последняя попытка!”

Теперь Голлум был даже еще больше расстроен, чем когда Бильбо загадал ему загадку про яйца. Он шипел, бормотал, раскачивался взад и вперед, шлепал лапами по полу пещеры, крутился и вертелся, но всё не осмеливался потратить свою последнюю попытку.

“Ну?” – спросил Бильбо. “Я жду!” Он старался, чтобы его голос звучал смело и бодро, но он совсем не был уверен, чем закончится игра, если даже Голлум и не угадает.

“Время вышло!” – сказал он.

“Веревка или ничего!” – взвизгнул Голлум. Это было не совсем честно – давать сразу две отгадки.

“Нет и нет,” – воскликнул Бильбо с огромным облегчением. Он тут же вскочил на ноги, встал спиной к ближайшей стене и выставил перед собой меч. Однако, как ни странно, бояться ему было нечего. Во-первых, Голлум уже давным-давно усвоил, что в древнейшей, священной игре в загадки жульничать нельзя никогда и ни за что. Потом, был еще меч. Так что Голлум просто сел на землю и забормотал.

“Как насчет подарка?” – спросил Бильбо. Не то, чтобы ему особенно хотелось получить эту вещь, и всё же он думал, что выиграл ее – довольно честно, и, между прочим, победа досталась ему нелегко.

“И мы должны отдать ему эту ш-ш-штуку, прелесть? Да, должны! Нам надо сплавать за ней, прелесть, и отдать ее в подарок, мы обещали.”

И вот Голлум побрел обратно к лодке, и Бильбо думал, что больше о нем не услышит. Но вышло не так. Хоббит собирался пойти по туннелю обратно – хватит с него Голлума и сидения у темной воды – но тут он услышал, как Голлум вопит и верещит во тьме где-то вдалеке. Он был на своем острове (о чем, конечно, Бильбо не знал), рылся тут и там, безуспешно все обшаривал и обыскивал и выворачивал карманы.

“Куда, куда оно делос-с-с-сь?” – доносилось до Бильбо. “Пропало, пропало, моя прелесть, пропало, пропало! Ох ты-барахты! Мы обещали, а подарка нет – даже у нас самих его теперь нет.”

Бильбо обернулся и некоторое время подождал, гадая, чего это Голлум так всполошился. Впоследствии оказалось, что вышло к лучшему. Потому что Голлум вернулся и принялся лопотать, и шептать, и хрипеть, и в конце концов Бильбо понял, что у Голлума было кольцо – чудесное, красивое кольцо, кольцо, которое ему подарили на день рождения, давным-давно, в стародавние времена, когда такие кольца еще не были такой редкостью, как теперь.

Иногда он носил его в кармане; обычно же он держал его в маленькой ямке в камне на своем острове; иногда он носил его – когда был очень голоден, а рыба надоедала. Тогда он крался по темным ходам в поисках одиноких гоблинов. Когда на нем было кольцо, он даже иногда отваживался заходить туда, где горели факелы – горели так ярко, что у него начинали болеть глаза и ему приходилось щуриться. Но и там он был в безопасности. Да! Почти в полной безопасности. Потому что стоило только надеть на палец это кольцо, как его обладатель становился невидимым – и его можно было заметить только при солнечном свете и только благодаря тени, да и тень эта была бледной и нечеткой.

Не знаю, сколько раз Голлум просил у Бильбо прощения. Он твердил: “Прости нас, мы не хотели жульничать, мы и правда хотели подарить тебе наш единственный-преединственный подарочек, если ты выиграешь.” Он даже предложил поймать для Бильбо славной сочной рыбы в виде утешения.

При мысли об этом Бильбо содрогнулся. “Спасибо, не надо!” – сказал он так вежливо, как только смог.

Он думал изо всех сил, и ему пришло в голову, что Голлум, должно быть, обронил кольцо и что именно он, Бильбо, наверное, нашел его – и теперь это самое кольцо лежало у него в кармане. Но у него хватило ума не говорить об этом Голлуму.

“Кто нашел – того и добыча!” – сказал он сам себе. И в данном случае – очень непростом, скажу я вам – он был прав. Все равно теперь кольцо принадлежало ему.

“А, брось!” – сказал он. “Все равно бы ты остался без кольца, потому что если бы ты нашел его – оно стало бы моим. А я буду считать, что мы квиты – при одном условии.”

“Ус-с-словие? Что он хочет, чтобы мы сделали, моя прелесть?”

“Помоги мне выбраться отсюда”, – сказал Бильбо.

Теперь Голлум вынужден был согласиться, если он не собирался жульничать. Ему всё еще хотелось просто попробовать незнакомца на вкус, но теперь от этой мысли приходилось отказаться. Был ведь еще меч. А противник не дремал и был начеку, не то, что те ничего не подозревающие существа, на которых Голлум обычно любил нападать. Так что, похоже, лучшим выходом было согласиться на условие Бильбо.

Вот как Бильбо узнал, что туннель заканчивался у воды, а не продолжался на другом берегу озера – дальше была только сплошная темная каменная стена. Он также узнал, что ему надо было пойти вниз по одному из боковых проходов справа, прежде чем он добрался до самого дна. Но за указаниями Голлума Бильбо было не уследить – сам бы он по пути вверх дороги не нашел – и он потребовал, чтобы тот пошел с ним и показал дорогу.

Когда они шли вместе по туннелю (Бильбо – почти неслышными шагами, Голлум – шлепая рядом), Бильбо решил испытать кольцо и надел его на палец.

“Где он? Куда с-с-скрылся-с?” – сразу же сказал Голлум, плясая вокруг своими глазницами.

“Здесь я, иду следом!” – ответил Бильбо, снимая кольцо. Он был очень доволен тем, что кольцо было у него и действительно делало то, о чем говорил Голлум.

Они снова пошли вперед. Голлум считал боковые ходы. “Один налево, один направо, два направо, три направо, два налево”, – и так далее. Чем дальше они уходили от воды, тем сильнее Голлум трясся. Наконец они остановились у невысокого прохода слева, ведущего наверх.

“Шестой направо, четвертый налево. Вот с-с-сюда,” – прошипел Голлум. “Надо протис-с-снуться и прокрас-с-сться. А мы с ним не пойдем, моя прелесть, мы боимс-с-ся, голлм!”

Бильбо нырнул под арку и попрощался с беднягой. Он был рад. Бильбо было не по себе, пока он не был уверен в том, что Голлум ушел, поэтому он высунул голову из прохода и долго прислушивался, пока шлепанье лап Голлума, направлявшегося к своей лодке, не замерло во тьме. Тогда он пошел по новому ходу.

Ход был вырыт небрежно, и потолок у него был низкий. Хоббиту в нем было неплохо – когда он в темноте не спотыкался о коварные выбоины в полу – однако для гоблинов он, наверное, был низковат. Бильбо не знал, что гоблины к такому привычны и умеют ходить очень быстро, даже скорчившись и почти задевая передними лапами пол. Возможно, поэтому Бильбо позабыл об опасности столкнуться с гоблинами и так беспечно спешил вперед.

Вскоре ход, прежде спускавшийся вниз, начал подниматься, а еще через некоторое время пошел круто вверх. Теперь у Бильбо не получалось идти так быстро, как раньше. Однако вот наконец крутой подъем кончился; ход изогнулся и снова нырнул вниз и, за небольшим спуском, Бильбо увидел пробивающийся из-за угла свет. Не оранжевый свет, какой бывает от огня или фонаря, а бледный, похожий на свет солнца снаружи. И он побежал. Бильбо бежал так быстро, как только были способны бежать его маленькие ноги. Он завернул за угол и внезапно оказался на открытом месте. После долгого времени, проведенного во тьме,

свет здесь казался ослепительно ярким. На самом же деле это был всего лишь луч солнца, падавший сквозь открытую дверь – огромную каменную дверь.

Бильбо моргнул, а потом вдруг увидел гоблинов: гоблины в полных доспехах, с обнаженными мечами сидели внутри у двери и пристально сторожили – и дверь, и проход к ней. Они увидели Бильбо раньше, чем он их, и бросились на него с восторженными воплями. А дальше произошло вот что: не знаю, была ли это случайность или осознанный поступок... Полагаю, случайность, потому что Бильбо еще не привык к своему новому сокровищу. Как бы то ни было, он надел кольцо на палец левой руки – и гоблины остановились как вкопанные. Хоббит исчез из виду, как сквозь землю провалился. Гоблины завопили вдвое громче прежнего, но уже не так радостно.

“Где оно?” – кричали они.

“Назад, к проходу!” – орали одни.

“Сюда!” – вопили другие. “Туда!” – вопили третьи.

“Не спускайте глаз с двери!” – ревел их предводитель.

Доспехи лязгали, мечи бряцали, гоблины свистели, ругались и бранились и бегали туда-сюда, натываясь друг на друга и все больше выходя из себя. В общем, шум, гам, пыль столбом, дым коромыслом.

Бильбо был сам не свой от страха, но ему хватило соображения понять, что случилось, и юркнуть за большую бочку, в которой держали выпивку для гоблинов-стражей. Таким образом, он успешно убрался с дороги и ему уже не грозило то, что на него могли налететь, затоптать до смерти или поймать наощупь.

“Надо пробраться к двери, надо пробраться к двери!” – повторял он про себя, но осуществить свое намерение он осмелился нескоро. Это было похоже на кошмарную игру в жмурки. Пещера была набита бегущими туда-сюда гоблинами. Бедный маленький хоббит вертелся и так и сяк; один из гоблинов сбил его с ног и все не мог понять, на что это он налетел, а Бильбо уполз от него на четвереньках, очень удачно проскользнул между ног предводителя гоблинов, поднялся и побежал к двери.

Дверь все еще была приотворена, но один из гоблинов почти закрыл ее. Бильбо из сил выбился, однако так и не смог сдвинуть дверь с места. Он попытался протиснуться в щель. Протискивался, протискивался – и застрял! Это было ужасно. Его пуговицы заклинило между краем двери и косяком. Он уже мог видеть то, что творилось на воле. Несколько ступенек вели вниз, в узкую долину между высокими горами, солнце вышло из-за облака и озарило дверь – но выйти Бильбо не мог.

Вдруг один из гоблинов заорал: “У двери тень! Там что-то снаружи!”

У Бильбо душа ушла в пятки. Он рванулся изо всех сил. Пуговицы разлетелись в разные стороны. Пусть он порвал сюртук и жилет – он был снаружи. Он скакал вниз по ступеням как заяц, пока озадаченные гоблины возились на пороге, подбирая его красивые латунные пуговицы.

Конечно, они потом побежали за Бильбо, с воплями и гиканьем, и принялись искать его среди деревьев. Но гоблины не любят солнца; от солнца у них кружится голова и дрожат колени. Они не могли найти Бильбо, пока тот не снимал кольца, то забегая в тень деревьев, то выбегая из нее, быстро и неслышно, и стараясь не выходить на солнце. Так что вскоре гоблины, ворча и бранясь, пошли обратно сторожить дверь. Бильбо был на свободе.

Филипп Норман ТАМ, ГДЕ ОБИТАЮТ ХОББИТЫ ИНТЕРВЬЮ

Нью-Йорк Таймс, 15 января, 1967

<http://nytimes.com/1967/01/15/books/tolkien-interview.html>

(перевод – О. Честнокова, А. Хананашвили)

Хоббиты обожают табак, а еще они любят фейерверки. В точности как и профессор Толкин, который как-то, 30 лет назад, написал слово «хоббит» на листочке с нудной экзаменационной работой, которую он в тот момент проверял. В Хедингтоне, что расположен недалеко от оксфордского футбольного поля, находится его гараж, а над гаражом у профессора оборудован кабинет. Табачные жестянки с темными крышками словно пограничные столбы разделяют книги на его полках, а из окошка открывается великолепный вид на фейерверки, когда их запускают во время праздников в колледже. *«Я подбегаю к окну каждый раз, услышав «виши»»,* – признается профессор.

Джону Рональду Рузлу Толкину, в раннем детстве, в то время, когда он еще жил в Южной Африке, довелось пережить настоящее похищение. Вплоть до 1959 г. он был профессором английского языка и литературы в Мертон-колледже в Оксфорде. У него крупные черты лица и квадратный подбородок. Одет он в пиджак и джемпер серого цвета – слегка измятые, говорит быстро, не вынимая трубки изо рта. Наряду с хоббитами, добродушным, мохноногом народцем, имеющим склонность к ярким расцветкам, в книгах Толкина живет и огромный, мрачный детина, способный оборачиваться медведем, и вороватый, англоговорящий дракон, и летающие в небесах черные всадники, способные отбрасывать леденящую душу тень. Нарисовал он и картину жестокой битвы, где нашли свою гибель тысячи и тысячи гоблинов.

Этими существами Толкин заселил сотворенный им мир, названный Средиземьем, наделил их именами, родословиями и языками, которые он описал в 104-страничном приложении к книге. Детальность и обстоятельность изложенных подробностей заставляют американских читателей, в первую очередь студентов, терять голову от восторга. Матушка одного из таких студентов отмечает: *«отправиться в колледж без томика Толкина – это все равно, что заявиться туда босиком».*

Существует уже и Американское Толкиновское Общество и Американский Толкиновский Журнал. На собраниях этого общества принято возлежать, поглощая свежие грибы, любимую хоббитскую еду, попивая сидр и рассуждая о фамильных древах; развлечение, от которого не способен отказаться ни единый хоббит. Там надо помнить, что волков положено называть «варги», гоблинов – «орки», древолудей – «энты», а о солнце надо говорить в женском роде.

Наилучшим приветствием является *«Да не выпадет шерсть на твоих ногах!»* Каждый носит бэйджик с его толкинистским именем: «Фродо» (хоббит), «Гэндальф» (волшебник); при этом наиболее горячие головы пишут их на стенах трехфутовыми буквами, украшая ими станцию подземки «11 Улица – Университет округа Колумбия».

Книги Толкина расхвываются в студенческих кафетериях наравне с сигаретами; эти истории уже переведены на девять языков, причем среди них и японский, и иврит. Также они включены в программу обязательного дипломного курса в Льежском Университете. По всему миру продано уже более 3-х миллионов экземпляров, но именно американцы – самые неистовые его поклонники. Пиратское издание в мягкой бумажной обложке разошлось тиражом в четверть миллиона экземпляров. Мировое Общество Научной Фантастики признало Толкина лучшим автором фэнтези этого года и наградило его моделью ракеты. *«Она там, где-то наверху, – задумывается Толкин. – Вы знаете, у нее есть стабилизаторы. Кстати, как оказалось, совершенно неправильные».*

Славу Толкину принесли две его книги: «Хоббит», начатый в тридцатых, на той самой экзаменационной работе, и его трехтомная сага «Властелин Колец», которую Толкин напечатал на пишущей машинке двумя пальцами. Объем ее свыше 1200 страниц, и писалась она более 14 лет. В «Хоббите» речь идет о некоем Бильбо Бэггинсе, завербованном в Шире, уютной и обжитой хоббитчей стране, и ввергнутом в авантюру

с похищением сокровищ из-под самого брюха спящего на них дракона. Но «Властелин Колец» несравненно более взрослая книга. В ней племянник Бильбо Бэггинса Фродо принимает участие в другой экспедиции, призванной разрушить власть Темного Властелина Мордора. Это может быть достигнуто только в том случае, если кольцо, случайно подобранное еще Бильбо, будет отнесено и уничтожено в той самой мрачной и опасной стране, где оно и было когда-то выковано, уничтожено под самым носом Темного Властелина.

«Замысел “Великого квеста хоббитов”, – пишет Эдвин Муир в своей рецензии для журнала “Обсервер”, – ...содержит в себе концепцию подлинного героизма, к которой взмывает воображение автора, хотя слог временами подводит его». Эта невинная ремарка, как и было задумано, породила в неисчислимом количестве умов приступы необузданной злости, которых не постыдилась бы и гигантская паучиха Шелоб, ибо стиль Толкина, удивительный сплав кельтской поэтичности и точности словоупотребления, достойной фаулеровского академического словаря, никогда его не подводит. Его персонажи уходят все дальше и дальше по той дороге, которая теряется в дымке легенд. Впрочем, зачастую его герои выражают свое смятение самыми простыми словами. «В одной из самых безнадежных ситуаций, описанных в “Хоббите”, маг Гэндальф говорит: “Так не годится!”»¹ Кроме того, автор, который смог придумать и заставить всех нас чтить и уважать не больше не меньше, как расу древлюдей, никогда не сможет пожаловаться на то, что его стиль недостаточно хорош. Я говорю об «энтах» самом древнем народе в мире. Они у Толкина очень часто напоминают собрание университетских профессоров, и наиболее забавным в их описании является то специфическое, тяжеловесное и неторопливое чувство юмора, которое столь подобает и их почтенному возрасту, и глубоким знаниям.

Толкин говорит: «Мне кажется, что мои истории вырастают сами, подобно снежинкам, кристаллизующимся вокруг пылинок, парящих в воздухе», но, как он признает, очень много сил у него забирает работа над продолжением «Властелина Колец», еще более серьезной вещью. Это история Средиземья, названная им «Сильмариллион», где хоббиты не фигурируют вовсе. Читатели забрасывают письмами издателей Толкина: Джорджа Аллена и Анвина в Лондоне, и Хоутон-Мифлина в Бостоне, спрашивая (иногда на эльфийском языке, придуманном Толкином) о том, когда же выйдет эта книга.

«Изнурительно? Да уж, Бог свидетель, так оно и есть! Большую часть времени я попросту борюсь с обычной инерцией человеческой лени. Мой старый университетский преподаватель говорил мне: “Мальчик мой, это не только помехи сами по себе, это еще и страх перед помехами...”» (У жены профессора, Эдит Мэри, хрупкое здоровье, и Толкин взял на себя множество обязанностей по дому).

Дом Толкина в Хедингтоне, пригороде Оксфорда, напоминает типичный коттедж приходского священника. Там три спальни, а позади дома – садик, ограду которого Толкин соорудил сам. Так как у соседнего футбольного поля постоянно паркуют машины, Толкину приходится все время держать ворота гаража закрытыми. Кабинет над гаражом заполняют книги и запах почтенной, слежавшейся, пыли. Там еще есть новенькие жестяные часы и очень, очень старая темно-желтая складная дорожная сумка. «А что это там у вас, чемодан?» Он едва виднеется под кипой бумаг. «Ах, это... Он досталось мне от моего опекуна, который был наполовину испанцем. Он собственно мне незачем, разве только я складываю внутрь всё то, на что я собираюсь ответить, и уже который год. Я уж и забыл, что там есть...» С подоконника свешивается карта Средиземья, на которой указаны маршруты двух хоббитских экспедиций, и, написанный черно-синими профессорскими чернилами, список назначенных профессором Толкином встреч.

Над дверью, на перевязи висит пороховой рожок.

Толкин никогда не был особенно крепким ребенком. Он родился в Блумфонтейне, городке в Южной Африке, и только в возрасте трех лет его привезли домой, в Сархоул, близ Бирмингама, где он и вырос. Пока он не завоевал стипендию для обучения в средней школе, с Рузлом занималась его мать. У Толкина совершенно особое отношение к этому пороховому рожку – он напоминает ему о том случае, когда его «позаимствовал» на время один африканец по имени Иссака. Он сделал это для того, чтобы похвастаться белым малышом в своем kraal. «Ну, знаете, это был типичный образчик туземной психологии, но все же этот случай всех тогда сильно расстроил. Я потом узнал, что своего сына он назвал “Исаак”, как самого себя, “Мистертолкин” в честь моего отца, и “Виктор” (вот умора!) в честь королевы Виктории».

«Меня там чуть не укусила змея, а тарантул – так тот, я полагаю, ужалил. Это было в нашем саду. Все что я помню, – это знойный день, высокую, жухлую траву и как я мечусь среди нее. Я даже не помню, кричал ли я. А вот ужас при виде енота, который поедал “миллис” (маис, индейскую кукурузу) как это и положено, то есть пальцами, я помню до сих пор...» Толкин показывает, как это было, засовывая пальцы в рот. «У меня, так уж получилось, сохранились в памяти очень яркие картинки из моего детства. Это из-за того, что меня увезли из одной страны и привезли в другую, в другом полушарии, туда, где, собственно

и была моя родина, но это место оказалось для меня совершенно невиданным и странным. Вот предстаньте, после иссушающей жары африканских саванн – и увидите рождественскую ель. Но нет, мое детство не было несчастливym. Я пережил много трагедий, но в целом, несчастливym его назвать нельзя».

Тогда Сэрхоул, который сейчас полностью поглотили современные постройки, был очень красив. Толкин был застенчивым ребенком, но с другими детьми этой деревни у него сложились дружеские отношения, а еще он хорошо знал старую, совершенно беззубую леди, державшую маленький киоск со сладостями. Жители Сэрхоула и послужили прототипами профессорских хоббитов, а это значит, что они обладали мягкими манерами, недолюбливали приключения, а зато хорошую еду любили очень. Сам Толкин определенно предпочитает простую и вкусную снедь с кружечкой свежего пива, «*никаких таких французских замысловатостей*». Пиво, сыр, масло и свежая выпечка, и иногда стаканчик бургонского.

«Хоббиты, – говорит профессор Толкин, – обладают тем, что можно назвать универсальными моральными принципами. Я могу сказать, что они являют собой пример истинно природной философии и истинно природной религиозности». И они, безусловно, способны проявлять невиданную храбрость и доброту; поселив их в норах, автор вовсе не намеревался принизить их до уровня животных.

«Люди до сих пор питают приязнь к домам под соломенной крышей, якобы они прохладнее летом и теплее зимой. Даже мирятся с тем, что приходится платить на них страховку повыше. Когда мы добрались до немецких окопов, то обнаружили, что они зачастую вполне уютны, за вычетом того, что смотрят в противоположную сторону. Бывали ли вы когда-нибудь в самой старой пивной в Англии, в “Пути в Иерусалим”? Этот паб целиком высечен в скале Ноттингемского замка. Я как-то ездил в Ноттингем на конференцию, но, боясь, что завернув в “Путь в Иерусалим”, мы предоставили конференции идти своим путем».

Хоббиты вовсе не крошки-лилипуты, как и ни один другой из описанных Толкином народов. Он довольно горячо высказывается по этому поводу: «*Не люблю крошечных созданий. Хоббиты ростом в три-четыре фута. Такие люди тоже встречаются. Если и есть что-то, к чему я питаю особенное отвращение, так это всякая драйтоновская чушь, не выношу ее. Вот этих вот пряток в чашечках цветочков. Шекспир подхватил эту идею, потому что в тот момент она была модной, но его фантазии это на пользу не пошло. Он выдумал множество премилых имен, вроде Паутинки, Душистого Горошка и тому подобных, а еще и разный поэтический вздор насчет Титании, но он никогда не относился к ней серьезно. Подумать только, Титания влюбилась в осла!*»

«Хоббит» не был написан для детей и уж тем более он не предназначался единственно для развлечения трех толкиновских сынишек и его дочери, как это обычно расписывают. «*Это довольно грустная книга. Нет, конечно, ничего подобного. Но если вы молоды, застенчивы и не желаете, чтобы вас подняли на смех, вы заявляете, что, разумеется, вы пишете для детей. Ну и конечно, именно дети – ваша первая аудитория, и вам приходится либо читать им сказки, либо писать их самому, те прихотливые истории с продолжением, которые читаются детям перед сном, и за которые они даже будут вам немножко благодарны*».

«Хоббит», как я сейчас должен признать, был написан дурным стилем, словно кто-то старательно подлаживается под маленького ребенка. Именно к такому стилю мои дети относятся с особенным презрением. Они тогда преподали мне хороший урок. Все то, что каким бы то ни было образом, показывало, что книга написана “для деток”, а не просто доля “людей”, они встречали с инстинктивной неприязнью. Теперь, когда я об этом думаю, я полностью разделяю их отношение. Заигрывания типа: «На этом я умолкаю, дальше подумай сам», ох, они такое терпеть не могут, да и я тоже».

«Дети – это вам не особый класс живых существ. Дети – это просто люди на разных стадиях зрелости. Каждому из них дан человеческий интеллект, который даже в зачаточной форме весьма удивителен, и перед ними лежит весь мир. Остается только садаться, сумеет ли каждый из них подняться выше этого начального уровня». У Толкина подрастает внук, который обещает стать чертовски хорошим шахматистом. Детские голоса, доносящиеся с улицы, не мешают профессору работать, но он не любит, когда дети начинают драться или обижать друг друга.

Толкин говорит, что это его мать привила ему любовь к филологии и рыцарским романам, и самые первые свои истории он стал сочинять еще тогда, когда заканчивал Эксетер-колледж в Оксфорде. Когда

разразилась война, он, однако, ничего не писал в окопах, как это преподносят его биографы. «*Это все выдумки. Может вам и удастся нацарапать что-то на обратной стороне конверта и затолкать это в задний карман, но это и все. Писать там невозможно. Вместо всего этого (его кабинет) там была бы землянка, и вам бы пришлось сидеть в ней, скорчившись в три погибели, среди грязи и мух.*»

Его близкий друг, покойный Клайв Стейплз Льюис («чрезвычайно занятой государственный служащий и преподаватель», первый читатель большинства толкиновских произведений), написал однажды, что мрачные батальные сцены во «Властелине Колец» очень сильно напоминают ему фронты Первой мировой войны. Он приводил примеры: тишина на передовой перед атакой, когда все уже к ней готовы, мгновенно возникающая жаркая дружба, родившаяся в походе, а также неожиданная радость обретения целого кисета с табаком. Но сам Толкин говорит: «нет, не существует параллелей между сотнями тысяч гоблинов в их остроконечных шлемах и серой массой германских войск, над которой торчат шишаки». Гоблины погибают тысячами. Да, он признает, что это делает их похожими на того далекого врага в окопной войне. «*Но, как я где-то уже говорил, даже гоблины не были с самого начала воплощением зла. Их природа была искажена. У меня никогда не возникало подобных чувств по отношению к немцам. Для меня такие вещи неприемлемы.*»

Студенты находят в его работах множество аллегорий. Они предпологают, что Кольцо Темного Властелина олицетворяет атомную бомбу, а гоблины олицетворяют русских. Или, что еще более дерзко, что Дребобрад, длинное, одревесневевшее создание, «в чьих глазах отражались прошедшие века и долгие, размеренные, упорные размышления»² – это не кто иной, как Толкин собственной персоной. В довольно увесистом обращении к своим издателям Толкин замечает: «*Эта книга ни о чем ином, кроме как о себе самой. Разумеется, в книге нет никаких скрытых аллегорий, ни общих, ни частных, ни злободневных, ни нравственных, ни религиозных.*»³

Но он все же соглашается с тем, что Шир, ухоженная страна хоббитов, напоминает ему те края на западе Англии, которые он помнит со времен своего детства. «*Эта земля дает достаточно для достойной жизни и неплоха для разведения скота, а кроме того, удалена от центров всяческой суеты; так и хочется отозваться о ней, как о крае, хранимом Богом, хотя живущие на ней люди это не всегда осознают. Это то, чем и была настоящая Англия, не правда ли?*»

Кроме тех пяти лет в университете города Лидс, где с 1924 по 1929 год он был профессором английского языка и литературы, Толкин провел всю свою жизнь в Оксфорде. Там он написал свои самые ранние стихи и рассказы, там его часто видели едущим по своим делам на стареньком велосипеде. Другой такой же дон был немало удивлен, встретив однажды Толкина за рулем Даймлера, когда наконец Толкин стал получать гонорары за свои книги. Теперь ему иногда привозит покупки арендованная машина. Он встает в 8.30 утра и ложится спать в 2 часа ночи. Как он проводит день? «*Да работаю как проклятый. Ручка для меня – что клюв для курицы, без движения не остается.*»

Толкин считает себя неважным рассказчиком, но ему было приятно принимать участие в озвучивании своих книг. Тогда ему пришлось изображать все эти разные голоса: и простицкий выговор хоббитов, и жуткий, визгливый, шипящий голосок Голлума, твари, которая неотступно ползет вслед за ними, пытаясь заполучить себе обратно Кольцо Темного Властелина. Би-би-си создало радиопостановку по мотивам произведений Толкина, задействовав в ней таких актеров, как Том Форрест из «Лучников». Толкин говорит о себе: «*У меня отличное визуальное воображение, а во всем остальном намного слабее. Не думаю, что многие авторы ясно видят лица своих героев и слышат их голоса. Если вы пишете историю, подобную "Властелину Колец", вам придется переписать ее раз два целиком, а потом еще разок пройтись по ней от конца к началу. В истории появляются, откуда не возьмись, новые действующие лица. Остается только ждать развития событий. Например, я с самого начала знал, что с древолюдьми обязательно будут связаны какие-то беспорядки.*»

«Многочисленные высказывания критиков относительно стихов во «Властелине Колец» доказывают абсолютное непонимание ими того факта, что все эти стихи иллюстративны, это стихи, которые могли бы сочинить сами персонажи в различных ситуациях». Толкиновские книги звенят от стихов, от полнозвучных поэм и от грубоватых виршей, и стихи могут быть как самыми куртуазными, так и самыми примитивными. Дональд Суонн положил некоторые из них на музыку (он признается: «*"Властелин Колец" запал мне в душу, и я перечитываю его каждую весну.*») Одна из песен даже поется на эльфийском языке и Толкин направил специальное письмо исполнителю, с указаниями на то, как произносятся эти слова, и подчеркнул, что «р-р» должна быть звонкой и раскатистой⁴.

Суонн впервые исполнил эти песни в марте прошлого года на вечере по случаю золотой свадьбы Толкина, состоявшемся в Мертон-колледже. После профессор поблагодарил его поклоном и заметил, «*Такой музыки*

эти слова не стоят».

Дай ему волю, он бы все свои книги предпочел писать на эльфийском. «Придумывание языков стало точкой отсчета, – говорит он. – Скорее “истории” сочинялись для того, чтобы создать мир для языков, нежели наоборот. В моем случае сперва возникает имя, а затем уж – история. Но, конечно же, такое произведение, как “Властелин Колец”, было основательно отредактировано, и осталось в нем ровно столько “языка”, сколько, на мой взгляд, читатели смогли бы “переварить”. (А теперь вот обнаруживается, что многие не отказались бы и от порции побольше)».⁵

В Америке, как нигде, толкиновские словечки постепенно входят в обиход, например, слово «матом» означающее предмет, который бережно хранят, но никак не используют. Выпускница Высшей Технической Школы в Бронксе замечает: «Я конспектирую лекции на эльфийском. Даже сейчас я машинально рисую эльфийские буквы. Это мой способ самовыражения».

А что же сам Толкин думает об этом? Нравятся ли ему американцы? «Да мне никто особенно не нравится при такой постановке вопроса. Я вообще против обобщений». Если же настаивать: «Нет, но все же, нравятся ли вам американцы?», то в ответ вы услышите следующее: «Они поддаются чарам искусства и даже не осознают, куда оно может их завести, они этим просто оьяняются», – говорит Толкин. – Многие юные американцы переживают рассказанное мной так живо, как я сам не могу».

Но порой эта увлеченность подсказывает им способы противостоять отвратительным явлениям обывочной жизни. В одном из студенческих кампусов, забыв в каком, администрация университета приняла решение вырубить красивую маленькую рощу для того, чтобы на ее месте построить то, что они называли «Культурным Центром», мрачное серое здание из бетонных блоков. Студенты были в ярости, и на стене «Культурного Центра» появилась надпись «Вот еще кусочек Мордора».

В Англии культ Толкина не получил такого же широкого распространения. Да, здесь имеется некоторое количество образованных людей средних лет, (как правило, выпускников университетов), очарованных той чудной манерой, в которой профессор переложил столь почтенные, покрытые пылью веков вещи вроде Беовульфа (так, например, был заморожен поэт В. Х. Оден), а еще есть умненькие дети, заинтригованные необычностью стиля. В Англии о профессоре Толкине модно порассуждать на досуге.

А вот в кампусе университета Бёркли, как говорит Фред Коди, владелец книжного магазина, дела обстоят так: «Это вам не просто популярное в кампусах развлечение, это похоже на наркотические грезы». В США хоббиты прочно заняли то место, на котором раньше стояли Сэлнджер и Голдинг. И похоже, книги Толкина провоцируют легкую форму интеллектуального хулиганства.

Но его последователи это опровергают (со всей возможной пылкостью), утверждая, что каждому только полезно пожить в мире Толкина, в мире, где трава все еще зелена, где для людей оставлена и надежда, и радость. Редактор издательства Баллантайн Букс, выпустившего книги Толкина расширенным тиражом в мягкой обложке, по цене доллар пятьдесят центов за штуку, утверждает следующее: «...сегодняшние молодые люди очень интересуются природой власти и сами весьма интересны, когда начинают разрешать для себя извечный конфликт добра и зла. В этой книге данная задача уже решена».

Если же такое кажется вам примитивно-поучительным, давайте вспомним то замечание, которое К. С. Льюис сделал Толкину, спрашивая, зачем ему понадобилось излагать столь простые нравственные истины таким причудливым способом.

«Поскольку так мне это видится... настоящая жизнь каждого человека несет на себе отпечаток и чуда и высокого героизма. Придуманные персонажи могут выражать свою сущность только внешними проявлениями, они словно обнаженные души. А что касается Человека как явления, Человека, вернутого в противостояние с Мирозданием, да увидим ли мы его вообще, если только нам не сказать, что он похож на героя волшебной сказки?»

Это лишь одно достоинство книги, которое привлекает студентов. А есть и другое. Произведения Толкина позволяют тысячам получать превосходное, первосортное образование, чему способствует личность преподавателя, и ответное внимание студентов обеспечено. Дж. И. М. Стюарт, еще один оксфордский «дон» (старший преподаватель), который также пишет книги под псевдонимом Майкл Иннс, считает, что все это было непосредственно связано с одаренностью Толкина как великопленного рассказчика: «Он мог превратить скучную аудиторию в пиришественный зал средневекового замка, где он был бардом, а мы все – гостями на этом пиру, внимавшими ему с наслаждением».

Филипп Норман является штатным корреспондентом «Санди Таймс».

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ На самом деле это говорит Торин в четвертой главе книги. – Прим. перев.

² Цитата в оригинале статьи весьма приблизительная, точная выглядит так: "...filled up with ages of memory and long, slow, steady thinking" (LoTR, Book III, Chapter 4 Treebeard). – Прим. перев.

³ Опять не совсем точная цитата, в изданных «Письмах» Толкина она выглядит так: "It is not 'about' anything but itself. Certainly it has no allegorical intentions, general, particular, or topical, moral, religious, or political". (№165 To the Houghton Mifflin Co.). Здесь цитируется в переводе С. Лихачевой по изданию: Письма Дж. Р. Р. Толкина / Под ред. Х. Карпентера при участии Кристофера Толкина; пер. С. Лихачевой; под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2004. - С. 250. – Прим. перев.

⁴ Этот факт упоминается в письме № 347 К Ричарду Джеффери (Письма Дж. Р. Р. Толкина / Под ред. Х. Карпентера, при участии Кристофера Толкина; пер. С. Лихачевой; под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2004. - С. 484,) – Прим. перев.

⁵ Опять не совсем точная цитата, в изданных «Письмах» Толкина она выглядит так: «The invention of languages is the foundation. The 'stones' were made rather to provide a world for the languages than the reverse. To me a name comes first and the story follows. I should have preferred to write in 'Elvish'. But, of course, such a work as The Lord of the Rings has been edited and only as much 'language' has been left in as I thought would be stomached by readers. (I now find that many would have liked more.)». (165 To the Houghton Mifflin Co.). Здесь цитируется в переводе С. Лихачевой по изданию: Письма Дж. Р. Р. Толкина / Под ред. Х. Карпентера при участии Кристофера Толкина; пер. С. Лихачевой; под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2004. - С. 249. – Прим. перев.

Денис Герролт
Дж. Р. Р. ТОЛКИН: ИНТЕРВЬЮ
впервые прозвучало в эфире в январе 1971 г.
на 4 канале радио Би-би-си, в программе «Книжные новинки...»
(перевод – О. Честнокова, А. Хананашвили)

[Т:] ...Задолго до того, как я написал «Хоббита» и задолго до того, как я написал эту книгу, я разработал мифологию этого мира.

[G:] Так у Вас уже была некая система, которая легла в основу вашей работы?

[Т:] О да, все эти бесконечные саги... они просачивались в ткань повествования, и «Хоббит» малопомалу пропитывался ими. Поначалу «Хоббит» вовсе не был частью эпоса, но, по мере того, как действие все больше вписывалось в этот мир, оно становилось и его частью.

[Отчетливый звук зажигаемой спички]

[G:] Выходит, ваши герои и ваши истории сами о себе позаботились?

[Т:] [Раскуривает трубку]

[G:] То есть жили своей собственной жизнью, я не имел в виду, что вы находились в их власти или что-то подобное...

[Т:] О нет, нет, я вовсе не блуждаю в эмпиреях и отнюдь не одержим. Просто в какой-то момент вы понимаете, что из возможных вариантов развития сюжета А, Б и В только А или какой-то другой наиболее вероятен, и со временем это подтверждается. Ну и конечно, у меня есть карты местности. Если вы пишете длинную и запутанную историю, то без карт вам не обойтись, а то потом уже ни за что не начертить карту.

Фазы луны и время заката, пожалуй, соответствуют тем, которые наблюдались в этой части света году этак в 1942. (трубка гаснет).

[G:] Так вы начали писать книгу в 1942, не так ли?

[Т:] О нет, я начал, как только «Хоббит» вышел в свет, где-то в тридцатых.

[G:] Книга была закончена перед самой публикацией...

[Т:] Последнюю главу я написал... примерно в 1949 – помнится, я чуть не плакал, когда дошел до развязки. Но потом я там кучу чего наисправлял. У себя на чердаке я дважды перепечатал все целиком, а большинство глав и того больше. У меня не было возможности нанять машинистку. Все же ошибки остались и, (снова зажигает трубку) смешно сказать, когда, как мне кажется, меня уже не заботит молва, я могу признать, что обнаружил там такие поразительные грамматические ошибки, которые для профессора английского языка и литературы тем более непростительны.

[G:] Я не заметил ни одной.

[Т:] Да там в одном месте я использовал «bestrode» как причастие прошедшего времени от глагола «bestride» [смеется]

[G:] Вы совсем не испытываете чувства вины за то, что будучи филологом, профессором английского языка, и постоянно имея дело с фактическим лингвистическим материалом, посвятили большую часть жизни вымыслу?

[Т:] Нет, уверен, что это принесло языку огромную пользу! В книгу вложена масса лингвистических знаний. Нет у меня никакого комплекса вины по поводу «Властелина Колец».

[G:] Вы ведь по-особому привязаны ко всем этим уютным, обыденным мелочам, которые воплощает собой Шир: дом и трубка, и очаг и теплая постель – милые домашние радости?

[Т:] А вы разве нет?

[G:] А вы, профессор Толкин?

[Т:] Конечно же, да.

[G:] Значит и к хоббитам вы равнодушны?

[Т:] Пожалуй, именно там я чувствовал бы себя как дома. Шир больше всего напоминает мир, который я узнал первым, и для меня это тем более важно, поскольку родился я не здесь, а в Южной Африке, в Блумсдейле. Вернулся я совсем маленьким, но тот мир врезался память и поразил воображение, хотя я и не осознавал этого. Если твоей первой рождественской елкой был чахлый эвкалипт, а больше всего тебе досаждал зной и песок, и вдруг, в возрасте, когда пробуждается воображение, ты обнаруживаешь себя в тихой Уорикширской деревушке, мне кажется, все это порождает особую любовь к тому, что называется деревенской Средней Англией, любовь к родниковой воде, камням и старым вязам, к тихим речушкам, и, конечно, к деревенским жителям.

[G:] В каком возрасте вы приехали в Англию?

[Т:] Думаю, мне было примерно три с половиной года. Достаточно резко отпечаталось, поскольку, как мне кажется, одна из причин, почему не сохраняются воспоминания – это примерно как снимать один и тот же объект на одну и ту же фотопластинку. Мелкие изменения смазывают общую картину. Но если жизнь ребенка внезапно меняется, он это запоминает. Новые воспоминания накладываются на старые. У меня сохранилась абсолютно четкая, яркая картинка дома, который, как я сейчас понимаю, всего лишь замечательный коллаж интерьеров моего дома в Блумфонтейне и дома моей бабушки в Бирмингеме. Я прекрасно помню, как иду по дороге в Бирмингеме и удивляюсь, куда девались большая веранда и балкон. Следовательно у меня отличная память, и я помню, как купался в Индийском океане, когда мне не было и двух лет, а воспоминание совершенно отчетливое.

[G:] Фродо принимает бремя Кольца и воплощает в себе все черты положительного героя, являясь образом стойкости и мужества. По результатам его деяний, можно было бы сказать, что он «стяжает благие заслуги», в том смысле, который вкладывают в это выражение буддисты. Фактически он приравнивается к Христу. Почему же вы выбрали на эту роль половинчика, хоббита?

[Т:] Я не выбирал. Понимаете, я написал «Хоббита»... и всего-то старался продолжить повествование с того места, на котором он закончился. У меня же на руках оставались хоббиты, верно?

[G:] Ну конечно, но ведь Бильбо совершенно не похож на Христа.

[Т:] Нет...

[G:] Но перед лицом тяжелейших испытаний он продолжает бороться и, в конце концов, побеждает.

[Т:] Но это, как мне кажется, скорее аллегория всего рода человеческого. Меня всегда поражало, что мы умудряемся выживать благодаря будничному мужеству совершенно обычных людей, противостоящих самым чудовищным опасностям: джунглям, вулканам, диким зверям... они продолжают бороться, даже не видя порой конечной цели...

[G:] Я думал, что Middangeard – это Средиземье или возможно имеет к нему какое-то отношение?

[Т:] О да, это одно и то же слово. Многие люди совершали уже подобную ошибку, считая Средиземье аналогом Земли или иной планетой, в научно-фантастическом смысле. Но это всего лишь древнее название нашего мира, который раньше представляли землей, окруженной Океаном.

[G:] Мне кажется, что Средиземье в том смысле, в котором вы употребляете это слово, - это мир, в котором мы живем, просто в другую эпоху.

[Т:] Нет ... скорее на другой стадии воображения.

[G:] Во «Властелине Колец» каждый народ воплощает определенные качества: эльфы – мудрость, гномы – мастерство, люди – земледельцы и воины, и так далее. Преднамеренно ли это?

[Т:] Нет, не преднамеренно, но когда имеешь дело с таким количеством народов, их же нужно сделать разными, правда? Но все-таки по большому счету только с людьми можно иметь дело, лишь из этой глины можно что-то вылепить. Нам бы всем не помешало, (ну, или по крайней мере, большинству людей), быть умнее, артистичнее, что подразумевает сокращение разрыва между замыслом и исполнением, и уж конечно, нам не помешало бы иметь в своем распоряжении жизнь подлиннее или вовсе бесконечную, чтобы учиться новому и творить новое... чтобы успеть узнать и сотворить намного больше...

В этом смысле эльфы бессмертны. Я был вынужден употребить именно это слово, хотя и не имел в виду, что они вечно бессмертны, они лишь обладают долголетием, сопоставимым со сроком существования Земли.

С гномами, конечно же, все вполне очевидно – не вы ли говорили, что они чем-то напоминают вам евреев? Их слова и конструкция фраз явно семитского происхождения. А хоббиты - это просто английские крестьяне, и их малый рост соответствует малому размаху их воображения, но далеко не малому размеру

их мужества или скрытой в них силы.

[G:] Похоже, одним из основных достоинств книги является поразительное разнообразие имен – невозможно запутаться в персонажах, по крайней мере, прочитав дважды.

[T:] Очень рад, что вы это отметили, поскольку я приложил к тому немало усилий. Не говоря о том, что я испытываю большое удовольствие от хороших имен. Первым делом я всегда придумываю имя. Дайте мне хорошее имя, и оно приведет за собой историю, а не наоборот.

[G:] Какие из известных вам языков, оказались наиболее полезными при написании «Властелина Колец»?

[T:] О Боже... из современных языков я должен назвать валлийский, который всегда пленял меня и звучанием своим, и слогом более всех прочих. Даже несмотря на то, что когда-то я видел валлийские слова написанными лишь на грузовиках с углем, мне всегда хотелось узнать, что же они означают.

[G:] Похоже, музыка валлийского слышится в названиях гор и в целом в выбранных вами географических названиях.

[T:] Абсолютно точно. Но гораздо более глубокое, сильное впечатление на меня произвел финский.

[G:] Можно ли считать вашу книгу аллегорией?

[T:] Нет. Я на дух не переносу аллегорий.

[G:] Полагаете ли вы, что мир угасает с концом Третьей Эпохи в вашей книге и расцениваете ли вы наш современный мир как Четвертую Эпоху?

[T:] Дожив до преклонных лет, я отношусь к тому сорту людей, который пережил один из самых стремительно меняющихся отрезков истории. Несомненно, никогда еще за семьдесят лет не происходило столько перемен.

[G:] Красной нитью через всю книгу проходит мотив осени. Один из героев замечает: история продолжается, но сам он уже выпал из нее. Хотя все увядает и тускнеет, по крайней мере, к концу Третьей Эпохи каждый выбор приводит к отмиранию еще одной традиции. Чем-то мне это напоминает теннисоновские строки:

«Былой уклад сменяется иным;
Неисчислимы Господа пути –
Дабы привычка не сгубила мир»².

Есть ли Бог во «Властелине Колец?»

[T:] Он упоминается там пару раз.

[G:] Он – это Единый?...

[T:] Да, это Единый.

[G:] Вы являетесь теистом?

[T:] О нет, я принадлежу Римской Католической Церкви. Убежденный католик.

[G:] Какую славу вы предпочитаете – ученого-филолога или автора «Властелина Колец» и «Хоббита»?

[T:] Не думаю, что у меня есть выбор: если уж меня и будут помнить, то только благодаря «Властелину Колец». Я с этим смирился. Не правда ли, это отчасти напоминает судьбу Лонгфелло: люди помнят, его как автора «Песни о Гайявате», совершенно забывая о том, что он был профессором современного языкознания.

Примечания:

Толкин родился в Блумфонтейне, Южная Африка, в 1892 г.

«Хоббит» был впервые опубликован в 1937 г.

От Кристофера Толкина, занимающегося изданием книг своего отца, нам ныне известно, что по мере написания «Властелина Колец», он рисовал к нему карту.

Примечания переводчика:

¹ bestride - садиться или сидеть верхом. Правильная форма причастия прошедшего времени «bestridden».

² Строки 240-241 из поэмы «Смерть Артура», перевод Светланы Лихачевой (цитируется с любезного разрешения переводчика).

натіаҺмтуп